

Анджей Сапковский

Башня шутов

В лето Господне 1420 конец света не наступил. Хоть многое говорило о том, что наступит

Не оправдались мрачные пророчества хилиастов, предсказывавших дату Конца вполне точно, а именно в первый понедельник февраля месяца 1420 года после святой Схоластики. [note 1](#) Ну что же, кончился понедельник, потом вторник, затем среда – и ничего. Не наступили Дни Искупления и Возмездия, предваряющие приход Царствия Божия. Не был – хоть и завершилось тысячелетие – освобожден из заточения своего Сатана и не вышел, дабы обольщать народы в четырех углах Земли. Не сгнули от меча, огня, глада, града, клыков хищников, скорпионьих жал и змеиного яда все грешники мира и супротивники Бога. Тщетно ожидали верные пришествия Мессии на горах Фавор, Беранек, Ореб, Сион и Оливной, впустую ожидали второго пришествия Христа *quinque civitates* [note 2](#), названные в пророчестве Исайи пять избранных городов, которыми сочли Пильзно, Клатовы, Лоуны, Сланы и Жатец. Конец света не наступил. Мир не погиб и не сгорел. Во всяком случае – не весь. Но все равно было весело.

Нет, похлебка и впрямь что надо, густая, пряная, да и жира не пожалели. Давненько я такой не пробовал. Благодарствуйте, многоуважаемые, за угощение, благодарствую и тебя, корчмарь. Не побрезгаю ли, спрашиваете, пивом? Нет, пожалуй, нет. Если дозволите, то с удовольствием. *Comedamus tandem, et bibamus, cras enim moriemur.* [note 3](#)

Не было конца света в 1420 году, не было и год спустя, и два, и три, и даже четыре. Все текло, я бы так сказал, своим естественным порядком: шли войны, множился мор, неистовствовала *mons nigra* [note 4](#), распространялся глад. Ближний убивал и обворовывал ближнего, алкал жены его и вообще был ему волк волком. Евреям то и дело устраивали какой-никакой погромчик, а еретикам – костерок. Из новенького же – скелеты в потешных прыжках отплясывали на кладбищах, смерть с косой шагала по Земле,

инкуб ночью вскальзывал меж дрожащих ляжек спящих девиц, одинокому ездоку на урочище стрыга усаживалась на шею. Дьявол явно вмешивался в повседневные дела и кружил промеж людей *tanquam leo rugiens*, аки лев рыкающий, ищущий, кого бы пожрать.

Много в то время скончалось достойных людей. Нет, конечно, и родилось немало, но как-то уж повелось, что даты рождений по-странныости в хрониках не записывают и никто их толком не помнит. Ну, может, только матери, да еще в тех случаях, когда у новорожденного оказывалось две головы или по меньшей мере два кутаса. [note 5](#) А вот коли смерть, ну, тут уж дата точная, будто в камне высечена.

Так в 1421 году, в понедельник после Средапостного воскресенья, умер, прожив отмеренные шестьдесят лет, в Ополе Ян *apellatus* [note 6](#) Кропидло, князь пястовских кровей и *episcopus uloclawiensis*. [note 7](#) Перед смертью он пожертвовал городу Ополе шестьсот гривен. Говорят, часть этой суммы пошла во исполнение воли преставившегося на известный опольский бордель «У рыжей Кунди». Услугами этого заведения, размещавшегося на задах монастыря Младших Братьев [note 8](#), епископ-гуляка пользовался до самой кончины, правда, под конец жизни только в качестве зрителя.

Летом же – точной даты не упомяну – года 1422-го умер в Венсене король английский Генрих V, победитель под Азенкуром. Пережив его всего на два месяца, преставился король Франции Карл VI, к тому времени уже пять лет как вконец свихнувшийся. Корону возжелал получить сын безумца, дофин Карл. Однако ж англичане не признали его прав. Да ведь и сама матушка дофина, королева Изабелла, уж давно объявила его внебрачным сыном, зачатым в некотором удалении от супружеского ложа с вполне нормальным мужчиной. А поскольку незаконнорожденные престол не наследуют, законным монархом Франции стал англичанин, сын Генриха V, малолетний Генричек, всего-то девяти месяцев от роду. Регентом же во Франции стал дядя Генричка, Джон Ланкастер, герцог Бедфорд. Этот на пару с бургундцами держал северную Францию с Парижем, югом же владели дофин Карл и Арманьяки. А промеж их владений среди трупов на побоищах выли псы.

А в году 1423 на Троицын день умер в замке Пенискола близ Валенсии Петр де Луна, авиньонский папа, проклятый схизматик, до самой смерти вопреки решениям двух соборов именовавший себя Бенедиктом XIII.

Из других, что в то время померли и которых я помню, скончался Эрнест Железный Габсбург, властитель Штирии, Каринтии, Краины, Истрии и Триеста. Умер Ян Рацибор, князь пястовской крови, а одновременно и пшемыслинской. Помер молодым Вацлав, *dux Lubiniensis*, умер князь Генрик, на пару с братом Яном правивший в Зембицах. Умер на чужбине Генрик *dictus Румпольда*, князь Глогова и ландвойт Верхних Лужиц.

Умер Миколай Тромба, архиепископ гнёзненский, муж благородный и умный. Умер в Мальборке Михель Кюхмайстер, Великий Магистр Ордена Пресвятой Девы Марии. Умер также Якуб Ленчак по прозвищу Рыба, мельник из-под Бытома. Ну конечно, признать надо, был он менее знаменитым и известным, нежели вышеназванные, зато я знал его лично и даже пивал с ним. А с теми, что перечислены ранее, мне пивать как-то не доводилось.

Немаловажные события также и в культуре в те времена происходили. Проповедовал вдохновенный Бернардин Сиенский, проповедовал Ян Канти и Ян Капистран, поучали Ян Джерсон и Павел Влодковиц, писали поучения Кристина из Пизы и Фома Кемпийский. Писал свою превосходную хронику Вавжинец из Бжезовой, писал иконы Андрей Рублев, писал Томасо Масаччио, художествовал Роберт Кемпин; Ян ван Эйк, придворный живописец короля Яна Баварского, творил для кафедрального собора Святого Бавона в Генте «Алтарь Мистического Агнца», вельми прелестный полиптих, украшающий ныне часовню Иодокуса Выда. Во Флоренции мэтр Пиппо Брунелески окончил строительство пренаичудеснейшей часовни над четырьмя нефами церкви Santa Maria del Fiore, да и мы в Силезии не хуже – у нас господин Петр из Франкенштейна окончил в городе Ниса строительство весьма пышной церкви, посвященной святому Иакову. Это совсем от Малича недалеко. Кто не бывал и не видел, может побывать и увидеть. В том же 1422 году, в самую масленицу, в городе Аида с великой помпой отметил свои годы старый литвин, польский король Ягайло – взял в жены Софью Гольшанскую, девушку в расцвете сил, молоденькую, семнадцатилетнюю, больше чем на полета лет моложе себя. Поговаривали, девица та больше красотой, нежели поведением славилась. Ну, так и забот потом с нею была уйма. Но Ягайло, будто напрочь забыв, как следует тешить юную супружницу, уже в начале лета отправился воевать прусских господ, крестоносцев, стало быть. А потом новому – после Кюхмайстера – Великому Магистру Ордена, господину Павлу Руссдорфскому, чуть ли не сразу после вступления в сан довелось ознакомиться – и крепко – с

польским оружием. Как там в Сонкином ложе под балдахином у Ягайлы дело шло, сказать трудно, но чтобы набить крестоносцам морды, Ягайле силенок хватило. Ходом вещей и в Чешском королевстве много серьезного в то время творилось. Великое там было возбуждение, большой крови разлив и непрекращающаяся бойня. О чем мне, впрочем, никак говорить нельзя. Соболаговолите, уважаемые, простить деда, но страх – свойствие человеческое, а мне уже не раз доставалось по шеем за лишнее слово. Ведь на ваших, господа, куртках я вижу польские перевязи и отличия, а на ваших, благородные чехи, петухов панов из Доброй Воды и стрелы рыцарей из Стракониц... А вы, воинственный муж Цеттриц, о зубровой голове в гербе мечтаете. А о ваших, господин рыцарь, косых шашечках и грифах я даже сказать ничего не сумею. Да и не исключено, что ты, брат-францисканец, не доносишь Sanctum Officium [note 9](#), а то, что вы, братья-доминиканцы, доносите, то это уж как пить дать. Потому, сами понимаете, мне в таком международно-разбойном обществе никак невозможно о чешских делах распространяться, не зная, кто тут за Альбрехта стоит, а кто за польского короля и королевича. Кто за Менгарта из Градца и Олдржиха из Рожмберка, а кто за Гинка Пташку из Пиркштайна и Яна Колду из Жампаха. Кто тут сторонник Спытка, окружного правителя из Мельштына, а кто – епископа Олесьницкого. А меня вовсе не тянет быть побитым. Я ведь знаю, что получу, потому как уж несколько раз доставалось. Спрашиваете, как так? А вот так: ежели ляпну, что в те времена, о которых я болтаю, brave чешские гуситы крепко отделили немцев, один за другим в пух и прах раздолбав три папских крестовых похода, то того и гляди получу в лоб от одних. А скажу, что тогда в битвах под Витковым Вышеградом, Жатцем и Немецким Бродом еретики победили крестоносцев с дьявольской помощью, то возьмут меня в переделку другие. Так что лучше уж помалкивать, а если что и сказать, так беспристрастно, как и пристало сообщающему, изложить дело, как говорится, *sine ira et studio* [note 10](#), кратко, хладно, по-деловому, и никаких замечаний от себя не добавлять.

Потому я и скажу кратко: осенью 1420 года польский король Ягайло отказался принять чешскую корону, которую ему предлагали гуситы. В Кракове придумали, что корону ту примет литовский *dux* Витольд, которому всегда королевствовать хотелось. Однако, чтобы ни кесаря римского Сигизмунда, ни папу римского чересчур-то не раздражать, послали в Чехию Витольдова кузена Сигизмунда, сына Кобыту. Кобытович во главе пяти тысяч польских рыцарей прибыл в Злату Прагу в 1422 году как раз на святого Станислава. [note 11](#) Однако уже на Трех

Царей [note 12](#) следующего года князьку пришлось возвратиться в Литву – так зарились на это чешское наследство Люксембуржец и Одо Колонна – Святой Отец Мартин V. И что скажете? Уже в 1424 году, на Благовещение, Корыбутович снова явился в Прагу. На сей раз уже наперекор Ягайле и Витольду, наперекор папе, наперекор римскому кесарю. Как призванный и изгнанный. Во главе себе подобных призванных. И уже не тысячи, как прежде, а всего лишь сотни насчитывающих... В Праге же переворот, как Сатурн пожирал собственных детей, так и здесь лагерь боролся с лагерем. Яна из Желива, обезглавленного в понедельник после поминального воскресенья 1422 года, уже в мае того же года оплакивали во всех церквях как мученика. Твердо так же противилась Злата Прага Табору, но тут нашла коса на камень. То есть на Яна Жижку, великого воина. В лето Господне 1424 года, на второй день после июньских нон [note 13](#), под Маслешовом у речки Богинки Жижка преподавал пражанам жуткий урок. Много, ох много было в Праге после той битвы вдов и сирот.

Как знать, может, и верно сиротские слезы стали причиной того, что потом, в среду перед Гавлом, помер в Пшибыславе неподалеку от моравской границы Ян Жижка из Троцкого, а опосля из Калиха. А погребли его в Карловом Граде; там он и лежит. И как до того одни лили слезы из-за него, так теперь другие оплакивали его самого. Что осиротил их. И потому называли себя Сиротами...

Но ведь это-то помнят все. Потому как совсем недавние это были времена. А кажутся такими... историческими.

Знаете, господа, как узнать, что время идет историческое? Просто всего происходит очень много и быстро.

Конец света, как сказано, не наступил. Хоть многое указывало на то, что наступит. Ведь начинались – точнехонько как говорили пророчества – большие войны, и большие несчастья достались люду христианскому, и множество мужей тогда сгинуло. Казалось, сам Бог хочет, чтобы пришествие нового порядка предварила гибель старого. Казалось, что приближается Апокалипсис. Что десятирогий Зверь выползает из бездны. Что вот-вот прогремят трубы и будут сломаны печати. Что низвергнется огонь с небес. Что упадет Звезда Полынь на треть рек и на источники вод. Что человек, увидя след ноги другого на пепелище, примется след тот со слезами целовать.

Порой было так страшно, что, с вашего позволения, аж жопа съеживалась.

Страшное было это время. Злое. Скверное. И ежели пожелаете, господа, расскажу о нем. Ну, так просто, чтобы скуку забить, прежде чем прекратится непогода, что нас тут держит.

Расскажу я вам, если на то будет ваше желание, о том времени, тех людях, которые жили в те времена, и о тех, которые жили, но людьми вовсе не были. Расскажу о том, как и те, и другие боролись с тем, что им то время принесло. С судьбой и с самими собою.

Начинается эта история мило и приятно, туманно и чувственно, радостно и трогательно. Но пусть это вас, любезные господа, не обманывает...

Пусть не обманывает.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой читатель имеет возможность познакомиться с Рейнмаром из Белявы, именуемым Рейневаном, причем сразу со всех его наилучших сторон, включая беглое знание *ars amandi* [note 14](#), секреты конной езды, тайны Ветхого Завета, не обязательно именно в такой последовательности. Глава повествует также о Бургундии, как в узком, так и в широком смысле

В раскрытое окно комнаты на фоне темного еще после недавней бури неба виднелись три башни: ратуши, самой близкой, чуть подальше – стройной, горящей на солнце новенькой красной черепицей колокольни Святого Иоанна Богослова, а за ней широкого округлого донжона княжеского замка. Вокруг церковной колокольни вились ласточки, напуганные недавним колокольным звоном. И хотя колокола довольно давно отзвенели, перенасыщенный озоном воздух все еще, казалось, продолжал вибрировать. Совсем недавно звонили колокола церковей Пресвятой Девы Марии и Тела Господня – однако эти колокольни не были видны из окна комнатки на мансарде деревянного дома, будто ласточкино гнездо прилепившегося к комплексу августинского приюта и монастыря.

Был час сексты. [note 15](#) Монахи завели «Deus in adiutorium». [note 16](#) А Рейнмар из Белявы, которого друзья называли Рейневаном, поцеловал вспотевшую ключичку Адели фон Стерча, высвободился из ее объятий и, тяжело дыша, пристроился рядышком на постели, горячей от любви.

Из-за стены, со стороны Монастырской улицы, доносились крики, гроыхание телег, глухой гул пустых бочек, певучий звон оловянной и медной посуды. Была среда, базарный день, как обычно, привлекающий в Олесьницу множество торговцев и покупателей.

Memento, salutis Auctor
quod nostri quondam corporis,
ex illibata virgine
nascendo, formam sumpseris,
Maria mater gratiae,
mater misericordiae,
tu nos ab hoste protege,
et hora mortis suscipe... [note 17](#)

«Уже распевают гимн, – подумал Рейневан, расслабленно обнимая родившуюся в далекой Бургундии Адель, жену рыцаря Гельфрада фон Стерчи. – Уже гимн. Прямо не верится, до чего быстро пролетают мгновения счастья. Так хочется, чтобы они длились вечно. АН нет – проносятся, словно сон... »

– Рейневан... Моп amour... [note 18](#) Мой божественный мальчик... – Адель хищно и ненасытно прервала его дремотные мысли. Она тоже ощущала преходящесть времени, но явно не хотела транжирить его на философские размышления.

Адель была совершенно, полностью, ну то есть абсолютно голой.

«Что город, то норы, что деревня, то обычай, – думал в это время Рейневан. – Как же интересно познавать мир и людей. Женщины из Силезии и немки, к примеру, стоит дойти до главного, позволяют подтянуть их рубашку не выше пупка. Польки и чешки поднимают сами, к тому же охотно, выше груди, но ни за что не снимут совсем. А вот бургундки, ну,

эти мгновенно сбрасывают все, видать, их горячая кровь во время любовного упоения не терпит на коже ни лоскутка. Ах, какая прелесть – познавать мир! Нет, похоже, Бургундия распрекрасная страна. Роскошным должен быть тамошний ландшафт. Высокие горы... Крутые холмы... Долины... »

– Ах, аааах, топ атоур, – стонала Адель фон Стерча, прижимаясь к рукам Рейневана всем своим бургундским ландшафтом.

Рейневану, кстати, было двадцать три года, и с миром он ознакомился, вообще-то говоря, не очень широко. Знал с полдюжины чешек, еще меньше силезок и немок, одну польку, одну цыганку – что же до прочих народностей, то лишь один раз... получил отказ от венгерки. Так что его эротические экспериенции [note 19](#) никоим образом нельзя было отнести к разряду обширных, более того, откровенно говоря, они были достаточно мизерны как количественно, так и качественно. Тем не менее он ими гордился и даже порой задира л нос. Рейневан, как каждый переполненный тестостероном юноша, считал себя крупным соблазнителем и знатоком любовных дел, от которого у прекрасной половины человечества нет никаких тайн. Однако истина состояла в том, что за одиннадцать встреч с Аделью фон Стерча Рейневан узнал об *ars amandi* больше, нежели за все трехлетнее пребывание в Праге. Однако так и не усек, что именно Адель учит его. Он был убежден, что тут все дело в его старомодных талантах.

Ad te levavi oculos meos

qui habitas in caelis

Ecce sicut oculi servorum

ad manum dominorum suorum.

Sicut oculi ancillae in manibus dominae suae

ita oculi nostri ad Dominum Deum nostrum,

Donee misereatur nostri

Miserere nostri Domine...

Адель ухватила Рейневана за шею и потянула на себя. Рейневан, схватившись за то, за что следовало, любил ее. Любил крепко и самозабвенно и – словно этого было мало – шептал ей на ушко заверения в любви. Он был счастлив. Очень счастлив.

Переполюнявившим его сейчас счастьем Рейневан был обязан – не напрямую, конечно, – святым угодникам. А дело было так.

Чувствуя раскаяние за какие-то грехи, известные только ему и его исповеднику, силезский рыцарь Гельфрад фон Стерча отправился в покаянное паломничество к могиле святого Иакова. Но по дороге изменил планы. Решил, что до могилы явно далековато, а поскольку святой Изя [note 20](#) тоже не у сороки из-под хвоста вывалился, то вполне достаточно дойти до Сент-Жилье. Впрочем, добраться до Сент-Жилье Гельфраду также не было дано. Доехал он только до Дижона, где случайно познакомился с шестнадцатилетней бургундкой, очаровательной Аделью де Бовуазен. Адель, совершенно пленившая Гельфрада, была сиротой. Два ее брата – гуляки и вертопрахи – не моргнув глазом выдали сестренку за силезского рыцаря.

Хотя по разумению братьев Силезия лежала где-то между Тигром и Евфратом, тем не менее Стерча показался им идеальным зятем, поскольку не очень-то препирался, выговаривая приданое. Так вот и попала бургундка в Генрихдорф, село под Зембицами, землями, пожалованными Гельфраду короной. А в Зембицах, уже как Адель фон Стерча, она приглянулась Рейневану из Беявы.

Взаимно.

– Ааааах! – выдохнула Адель фон Стерча, сплетая ноги на спине Рейневана. – Аааааа-аааах!

Дело никогда бы не дошло до этого аааханья и все кончилось перемигиванием да незаметными посторонним жестами, если б не третий святой – Георгий. Потому как именно Георгием-то, как и остальные

крестоносцы, клялся и присягал Гельфрад, присоединяясь в сентябре 1422 года к которому-то там по счету антигуситскому крестовому походу, организованному курфюрстом бранденбургским и маркграфами Майсена. Крестоносцы в те времена особыми успехами похвастаться не могли, ибо вошли в Чехию и довольно скоро из нее вышли, вообще не рискнув вступать с гуситами в бой. Но хоть боев и не было, однако без жертв не обошлось, и одной из них оказался как раз Гельфрад Стерча, получивший серьезный перелом ноги при падении с коня и теперь, как следовало из посылаемых родным писем, продолжавший лечиться где-то в Плайссенланде. Адель же, соломенная вдовушка, проживавшая в то время у родственников мужа в Берутове, могла без помех встречаться с Рейневаном в комнатке при олесьницком монастыре августинцев, неподалеку от больницы, при которой Рейневан содержал свой кабинет.

Монахи церкви Тела Господня запели второй из трех псалмов сексты. «Надо поспешить, – подумал Рейневан. – Как только они начнут capitulum и далее – Купе, но ни минутой позже, – Адель должна исчезнуть с территории больницы. Ее здесь никто не должен видеть».

Benedictus Dominus

qui non dedit nos

in captionem dentibus eorum.

Anima nostra sicut passer erepta est

de laqueo venantium...

Рейневан поцеловал Адель в бедро, а потом, воодушевленный пением монахов, вдохнул поглубже и погрузился в нард и шафран, в аир и корицу, в мирру и алой с лучшими ароматами. [note 21](#) Напружинившаяся Адель протянула руки и впилась ему пальцами в волосы, мягкими движениями бедер помогая его библейским начинаниям.

– Ох, ооооох... Mon amour. Mon magicien. [note 22](#) Божественный мальчик...
Чародей...

Qui confidunt in Domino, sicut mons Sion
non commovebitur in aeternum,
qui habitat in Hierusalem...

«Уже третий псалом, – подумал Рейневан. – Как же летят мгновения счастья».

– Reververe [note 23](#), – промурлыкал он, опускаясь на колени. – Повернись, повернись, Суламиточка...

Адель повернулась, опустилась на колени и наклонилась, крепко ухватившись за липовые доски изголовья и подставив Рейневану всю обольстительную прелесть своего реверса. Афродита Каллипига – подумал он, приближаясь к ней. Античная аналогия и эротическая картинка сделали свое дело: приближался он не хуже недавно упомянутого святого Георгия, атакующего дракона направленным копьем. Стоя на коленях позади Адели, будто царь Соломон за одром из дерева ливанского, он обеими руками ухватил ее за виноградинки Енгедские. [note 24](#)

– С кобылицей в колеснице фараоновой [note 25](#), – прошептал он, наклонившись к ее шее, прекрасной, как столп Давидов. [note 26](#) – Я уподоблю тебя, возлюбленная моя.

И уподобил. Адель крикнула сквозь стиснутые зубы. Рейневан медленно провел руками вдоль ее мокрых от пота боков, взобрался на пальму и ухватился за ветви ее, отягощенные плодами. Бургундка откинула голову, как кобыла перед прыжком через препятствие.

Quia pop relinquet Dominus vergam peccatorum.

Super sortem iustorum

ut non extendant iusti

ad iniquitatem manus suas...

Грудь Адели прыгала под руками Рейневана, как два козленка-двойни серны. Он подложил вторую руку под ее гранатовый сад.

– Duo... ubera tua, – стонал он, – sicut duo... hinuli capreae gemelli... qui pascuntur... in liliis... Umbilicus tuus crater... tornatilis numquam... indigens poculis... Venter luus sicut acervus... tritici vallatus liliis...

– Ах... аааах... аааах, – поддерживала контрапунктом бургундка, не знающая латыни.

Gloria Patri, et Filio et Spiritui sancto.

Sicut erat in principio, et nunc, et semper

et in saecula saeculorum, Amen.

Alleluia!

Монахи пели. А Рейневан, целующий шею Адели фон Стерча, ошалевший, очумевший, мчащийся через горы, скакавший по холмам, saliens in montibus, transiliens colles, был для любовницы словно юный олень на горах бальзамовых. Super monies aromaticum.

Дверь распахнулась от удара с таким грохотом и силой, что, сорвавшись с петель, вылетела в окно. Адель тоненько и пронзительно взвизгнула. А в комнату ворвались братья Стерчи. Сразу было ясно: это отнюдь не дружеский визит. Рейневан скатился с кровати, отгородившись ею от незваных гостей, схватил одежду и торопливо принялся натягивать на себя. Это частично удалось, но только потому, что лобовую атаку братья Стерчи направили на невестку.

– Ах ты проститутка! – зарычал Морольд фон Стерча, выволакивая голую Адель из постели. – Ах ты тварь паскудная!

– Ах ты дрянь развратная! – подхватил Виттих, старший брат. Вольфгер же, второй по возрасту после Гельфрада, даже не раскрыл рта, смертельная ярость лишила его дара речи. Он ударил Адель по лицу. Бургундка вскрикнула. Вольфгер ударил снова, на этот раз наотмашь.

– Не смей ее бить, Стерча! – закричал Рейневан голосом ломким и панически дрожащим от парализующего чувства бессилия, вызванного полунатянутыми штанами. – Не смей, слышишь?

Восклицание подействовало, хоть и не совсем так, как он ожидал. Вольфгер и Виттих, на минуту забыв о неверной невестке, подскочили к Рейневану, и на него посыпались тычки и пинки. Вместо того чтобы защищаться, он сжался под градом ударов и упорно продолжал натягивать штаны, словно это были и не штаны вовсе, а какие-то волшебные, способные оградить и спасти его от ран доспехи, заколдованный панцирь Астольфа или Амадиса Галльского. Уголком глаза он увидел, что Виттих выхватывает нож. Адель взвизгнула.

– Не здесь, – буркнул на брата Вольфгер. – Не здесь!

Рейневан сумел подняться на колени. Виттих, разъяренный, бледный от бешенства, подскочил и хватанул его кулаком, снова свалив на пол. Адель пронзительно закричала, крик оборвался, когда Морольд ударил ее по лицу и рванул за волосы.

– Не смейте... – простонал Рейневан, – ее бить, мерзавцы!

– Ах ты сукин сын! – рявкнул Виттих. – Ну погоди!

Он подскочил, ударил, пнул раз, другой. Но тут его остановил Вольфгер.

– Не здесь, – повторил он спокойно, и было это спокойствие зловещее. – На двор его. Заберем в Берутов. Девку тоже.

– Невиноватая я! – завывала Адель фон Стерча. – Он меня околдовал! Очаровал! Это волшебник! Le sorcier! Le diab... [note 27](#)

Морольд ударом по лицу не дал ей договорить и буркнул:

– Заткнись, гулящая. Еще успеешь накричаться. Погоди малость.

– Не смейте ее бить! – вскричал Рейневан.

– Ты тоже, – угрожающе спокойно добавил Вольфгер, – еще успеешь накричаться, петушок! А ну на двор их.

Спускаться с мансарды надо было по довольно крутой лестнице. Братья Стерчи просто скинули оттуда Рейневана, он свалился на лестничную площадку, разломав при этом деревянные перильца. Не дав подняться, они снова схватили его и вышвырнули прямо на двор, на песок, украшенный испускающими пар свежими кучками конских яблок.

– Гляньте-ка! Нет, вы только гляньте, – проговорил державший лошадей Никлас Стерча, почти мальчишка. – И кто это тут к нам свалился? Никак Рейнмар Беляу?

– Грамотей мудрила Беляу, – фукнул, останавливаясь над поднимающимся с песка Рейневаном, Иенч Кнобельсдорф по прозвищу Филин, кум и родня Стерчей. – Языкастый мудрила Беляу!

– Поэт сраный, – добавил Дитер Гакст, еще один дружок семьи. – Тоже мне Абельяр!

– А чтоб доказать ему, что и мы не лыком шиты, – сказал спускавшийся с лестницы Вольфгер, – поступим с ним так же, как поступили с Абельяром, пойманным у Элоизы. Тютелька в тютельку так же. Ну как, Белява? Как тебе нравится стать каплуном?

– Отъ... сь, Стерча.

– Что? Что? – Вольфгер Стерча побледнел еще больше, хоть это и казалось невозможным. – Петушок еще решается раскрывать клювик? Осмеливается кукарекать? А ну дай-ка кнут, Иенч!

– Не смей бить его! – совершенно неожиданно заорала с лестницы Адель, уже одетая, но не полностью. – Не смей! Не то всем расскажу, какой ты! Что сам ко мне лез, щупал и подбивал на разврат! За спиной у брата. И поклялся мне отомстить за то, что я тебя прогнала! Вот почему ты теперь такой... Такой...

Ей не хватало немецкого слова, и вся тирада пошла насмарку. Вольфгер только расхохотался.

– Ишь ты, – съехидничал он. – Кто ж станет слушать французицу, распутную курву. Давай кнут, Филин.

Внезапно двор почернел от ряс августинцев.

– Что тут происходит? – крикнул пожилой приор Эразм Штайнкеллер, тощий и заметно пожелтевший старичок. – Что вы вытворяете, христиане!

– Пшли вон! – рявкнул Вольфгер, щелкая кнутом. – Вон, бритые жерди! Прочь! К требнику, молиться! Не лезьте в рыцарские дела, не то горе вам, монашня!

– Господи! – приор сложил покрытые коричневыми печеночными пятнами руки – Прости им, ибо не ведают, что творят... In nomine Pairis, et Filli...
[note 28](#)

– Морольд, Виттих! – рявкнул Вольфгер. – Тащите сюда паршивку! Иенч, Дитер, вяжите любовничка!

– А может, – поморщился молчавший до того Стефан Роткирх, тоже дружок дома, – малость за лошадью его протащить?

– Можно будет, но сначала я его отстегаю!

Он замахнулся на все еще лежавшего Рейневана кнутом, но не ударил – помешал брат Иннокентий, схвативший его за руку. Рост и фигура у брата Иннокентия были весьма внушительные, чего не скрывала даже смиренная

монашеская сутулость. Рука Вольфгера застыла, словно прихваченная железными тисками.

Стерча грязно выругался, вырвал руку и сильно толкнул монаха. Впрочем, с таким же успехом он мог толкать донжон олесьницкого замка. Брат Иннокентий, которого братия называла братом Инсолентием [note 29](#), даже не дрогнул. Зато сам ответил таким толчком, что Вольфгер перелетел полдвора и свалился на кучу навоза.

Несколько мгновений стояла тишина. А потом все набросились на огромного монаха. Филин, подоспевший первым, получил по зубам и покатился по песку. Морольд Стерча, отхвативший по уху, засеменил вбок, вылупив подурневшие глаза. Остальные облепили августинца, словно муравьи. Огромная фигура в черной рясе полностью скрылась в свалке. Однако брат Иннокентий, хоть ему и крепко доставалось со всех сторон, отвечал так же крепко и вовсе не по-христиански, совершенно вопреки августинскому закону смирения.

Видя это, не выдержал и старичок приор. Он покраснел как вишня, зарычал аки лев и кинулся в гущу боя, колошматя направо и налево палисандровым посохом.

– Рах! – верещал он, колотя. – Рах! Vobiscum! Возлюби ближнего своего! Proximum tuum! Sicut te ipsum! [note 30](#) Сукины дети!

Дитер Гакст саданул его кулаком. Старик кувыркнулся вверх ногами, его сандалии взлетели в воздух, описывая над хозяином живописные траектории. Августинцы подняли крик, некоторые не выдержали и ринулись в бой. Во дворе забурило не на шутку.

Вытолкнутый из водоворота Вольфгер Стерча выхватил корд и принялся размахивать им – дело шло к тому, что польется кровь.

Однако Рейневан, уже успевший встать на ноги, долбанул его по затылку кнутовищем. Стерча схватился за голову и обернулся. Тогда Рейневан с размаху хлестнул его кнутом по лицу. Вольфгер упал. Рейневан кинулся к лошадям.

– Адель! Сюда! Ко мне!

Адель не шелохнулось, лицо ее выражало полное равнодушие. Странно. Рейневан запрыгнул в седло. Конь заржал и заплясал.

– Адееееель!

Морольд, Виттих, Гакст и Филин уже бежали к нему. Рейневан развернул коня, пронзительно свистнул и ринулся галопом прямо в монастырские ворота.

– За ним! – зарычал Вольфгер. – По коням и за ним!

Первой мыслью Рейневана было скакать к Мариацким воротам, а оттуда за город, в Спалицкие леса. Однако ведущая к воротам Коровья улица была полностью забита телегами, зато подгоняемый и напуганный криками чужой конь проявил массу личной инициативы, в результате чего, не успев Рейневан толком понять, что происходит, как уже мчался галопом к рынку, разбрызгивая грязь и разгоняя прохожих. Не было нужды оглядываться, чтобы понять: преследователи сидят у него на шее. Он слышал гул копыт, ржание коней, дикий рев Стерчей и яростные выкрики задетых лошадьми людей.

Он ударил коня пятками в пах, в галопе задел и повалил пекаря, несущего корзину; ковриги, булки и рогалики градом посыпались в грязь, и их тут же втоптали подковы стерчевых лошадей. Рейневан даже не обернулся. Какая разница, что там за спиной? Его интересовало то, что находится впереди, а впереди, прямо перед ним, выросла тележка, высоко нагруженная хворостом. Тележка перегораживала почти всю улочку, а там, где был небольшой просвет, копошились на земле несколько полуодетых ребятишек, выковыривавших из навоза что-то невероятно интересное.

– Теперь ты наш, Беляу! – заревел сзади Вольфгер Стерча, тоже увидевший то, что делалось на дороге.

Конь мчался так, что удержать его не было никакой возможности. Рейневан прижался к гриве и зажмурился. Из-за этого он не видел, как полуголые ребятишки порскнули с дороги, как стая крысят. Он не оглянулся, поэтому не видел, как парень в овчинном тулупе, тянувший тележку с хворостом, обернулся, невольно развернув дышло и тележку. Не видел Рейневан и того, как Иенч Кнобельсдорф вылетел из седла и смел своим телом половину нагруженного на тележку хвороста.

Рейневан промчался галопом по Свентоянской улице, пронесся между ратушей и домом бургомистра, на полном ходу влетел на огромный олесьницкий рынок. Проблема состояла в том, что рынок, хоть и огромный, был забит людьми. И разверзся истинный ад. Направившись к южному входу и видневшемуся над ним пузатому четырехугольнику башни над Олавскими воротами, Рейневан распихивал попадающихся на пути людей, лошадей, волов, свиней, телеги и ларьки, оставляя за собой побоище. Люди вопили, выли и ругались, крупная скотина рычала и мычала, мелкая живность скулила, визжала, переворачивались ларьки и палатки, оттуда градом летели самые разнообразные предметы – горшки, миски, ведра, мотыги, кочерги, рыболовные снасти, овечьи шкуры, фетровые шапки, липовые ложки, восковые свечи, лыковые лапти и глиняные петушки со свистульками. Дождем сыпались яйца, сыры, выпечка, горох, крупа, морковь, репа, лук, даже живые раки. В тучах перьев летала и орала на разные голоса самая различная птица. Все еще сидевшие на шее у Рейневана Стерчи довершали разрушения.

Напуганный пролетевшим у самого носа гусем конь Рейневана дернулся и наскочил на лоток с рыбой, разбивая крынки и выворачивая бочки. Разъяренный рыбак взмахнул подсечником, метясь в Рейневана, но промахнулся и угодил в круп коня. Конь заржал и рванулся в сторону, перевернув переносной ларек с нитками и ленточками, несколько секунд плясал на месте, утопая в вонючей серебристой массе плотвы, лещей и карасей, перемешанных с феерией разноцветных катушек и шпуль с нитками. То, что Рейневан не свалился, – было просто чудом. Уголком глаза он заметил, как торговка нитками бежит к нему с огромным топором в руках, одному богу известно, для чего понадобившемуся в нитяной торговле. Он выплюнул прилепившиеся к губам гусиные перья, сдержал коня и устремился в улочку Резников, а оттуда – он это знал – до Олавских ворот оставалось всего ничего.

– Я тебе яйца оторву, Белява! – ревел позади Вольфгер Стерча. – Оторву и в горло запихаю!

– Поцелуй меня в зад!

Преследователей уже было только четверо – Роткирха только что стащили с лошади и теперь избивали разбушевавшиеся рыночные перекупщики. Рейневан не хуже стрелы пронесся между шпалерами подвешенных за ноги

туш. Перепуганные до жути рубщики в панике отскакивали, но все равно одного, несущего на плече огромный бычий окорок, он свалил. От толчка тот вместе с окороком рухнул под копыта Виттихова коня, конь с перепугу поднялся на дыбы, на него налетел конь Вольфгера. Виттих сверзился с седла прямо на разделочный стол рубщика, носом в печень, легкие и почки, сверху на него грохнулся Вольфгер – его ступня застряла в стремени, – не успел высвободиться и развалил огромную кучу требухи, по уши погрузившись в грязь и слизь.

Рейневан в последний момент прильнул к лошадиной шее и проскочил под вывеской с намалеванной пороссячьей головизной. Почти догнавший его Дитер Гакст наклониться не успел. Доска с изображением радостно ухмыляющейся свинки саданула его по голове так, что аукнулось эхо. Дитера выбило из седла, он рухнул на кучу отходов, распугав кошек. Рейневан оглянулся. Теперь за ним гнался только Никлас.

Не снижая скорости, он вылетел из тупичка рубщиков на площадку, где работали кожевенники. А когда прямо перед носом у него неожиданно вырос обвешенный мокрыми шкурами стеллаж, он поднял коня и заставил его прыгнуть. Конь прыгнул. Рейневан не свалился. Опять чудом.

Никласу повезло гораздо меньше. Его конь врылся в землю копытами перед стеллажом и протаранил его, скользя в грязи, жире и требухе. Самый младший Стерча перелетел через конскую голову. Очень, ну, очень неудачно. Пахом и животом прямо на оставленный кожевенниками мездровальный нож.

Вначале Никлас просто не понял, что произошло. Он вскочил, подбежал к коню и ухватил вожжи. Конь захрапел и попятился. Юный Стерч вдруг ощутил, что ноги его не держат. По-прежнему, не соображая, что происходит, он поехал по грязи за пятящимся и храпящим конем. Наконец опустил вожжи и попытался встать. Поняв, что тут не все в порядке, глянул на свой живот. И заорал, елозя в быстро расползающейся луже крови.

Подъехал Дитер Гакст, остановил коня, спрыгнул с седла. То же спустя минуту сделали Вольфгер и Виттих Стерчи.

Никлас тяжело сел. Снова взглянул на свой живот. Крикнул, потом разревелся. Глаза у него начал заволакивать туман. Хлещущая из живота

кровь смешивалась с кровью зарезанных утром быков и хряков.

– Никлаааас!

Никлас Стерча закашлялся, подавился. И умер.

– Ты – мертвец, Рейневан Беляу, – проревел в сторону ворот бледный от ярости Вольфгер Стерча. – Я поймаю тебя, убью, уничтожу, изведу вместе со всем твоим змеиным родом! Со всем твоим змеиным родом, слышишь?!

Рейневан не слышал. Конь, грохоча подковами по доскам моста, нес его в это время из Олесьницы на юг, прямо на вроцлавский тракт.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой читатель узнает о Рейневане еще больше, причем в основном из разговоров, которые ведут о нем различные люди, как настроенные доброжелательно, так и совсем наоборот. В это время сам Рейневан скитается по подолесьницким лесам. Описывать его блуждания автор не станет, так что читатель *polens volens* должен представить их себе сам

– Присаживайтесь, присаживайтесь к столу, господа, – пригласил членов магистрата Бартоломей Захс, бургомистр Олесьницы. – Что прикажете подать? Из вин, откровенно говоря, у меня нет ничего, чем можно было бы похвастаться. Но пиво, ого, сегодня мне прямо из Свидницы привезли. Выдержанное, первого сорта, из глубокого холодного подвала.

– Ну, значит, пива, господин Бартоломей, – потер руки Ян Гофрихтер, один из самых богатых купцов города. – Пиво – наш напиток, а вином пусть благородные и иже с ними кишки себе квасят... С позволения вашего преподобия...

– Ничего, ничего, – улыбнулся Якуб фон Галль, приходской священник у Святого Яна Евангелиста. – Я ж не из дворян, я – плебан. А плебан, как следует из самого названия, завсегда с народом, стало быть, и мне пивом брезговать не пристало. А отведать могу, ибо вечерня уже позади.

Они сидели за столом в большой, низкой, побеленной зале ратуши, обычном месте заседаний магистрата. Бургомистр на своем привычном стуле, спиной к камину, плебан Галль рядом, лицом к окну. Напротив сел Гофрихтер, рядом с ним Лукас Фридман, пользующийся успехом зажиточный золотых дел мастер в модном вамсе и бархатном берете на

красиво подстриженной шевелюре, выглядевший совсем как дворянин. Бургомистр откашлялся и, не дожидаясь, пока слуги принесут пиво, начал.

– И что мы имеем? – проговорил он, сплетая пальцы на обширном животе. – Что соизволили устроить нам в нашем городе благородные господа рыцари? Драку у августинцев. Конные, стал-быть, гонки по улицам города. Заварушку на рынке: несколько побитых, в том числе один ребенок серьезно. Приведено в негодность имущество, испоганен товар. Крупные потери, стал-быть, материальные. Почти до самого ужина ко мне лезли *merkatores et institores* [note 31](#) с требованиями возместить убытки. Вообще-то я обязан отсылать их с претензиями к господам Стерчам в Берутов, Ледну и Стежендорф.

– Лучше не надо, – сухо посоветовал Ян Гофрихтер. – Хотя и я тоже полагаю, что господа рыцари последнее время сверх меры разбушевались, однако нельзя забывать ни о причинах, ни о следствиях оного. Следствием же, причем трагическим, стала смерть юного Никласа де Стерча. А причина: распущенность и разврат. Стерчи защищали честь брата, гнались за прелюбодеем, соблазнившем невестку и опозорившим супружеское ложе. Правда, они малость погорячились и переусердствовали...

Купец умолк под многозначительным взглядом плебана Якуба. Ибо, когда плебан Якуб давал взглядом понять, что желает высказаться, умолкал даже сам бургомистр. Якуб Галль был не просто приходским священником здешней церкви, но и секретарем олесьницкого князя Конрада и каноником в капитуле вrocławского кафедрального собора.

– Чужеложство есть грех, – проговорил плебан, распрямляясь за столом. – Чужеложство есть также преступление. Но за грехи карает Господь, а за преступления – закон. Самосудов же и убийств не оправдывает никто.

– Вот-вот, – поддержал *credo* бургомистр, но тут же умолк и все внимание уделил принесенному в этот момент пиву.

– Никлас Стерча, что нас особо печалит, – добавил Галль, – погиб трагически, но в результате несчастного случая. Однако если б Вольфгер с компанией поймали Рейневана де Беляу, то мы, в соответствии с нашей юрисдикцией, имели бы дело с убийством. Впрочем, неизвестно еще, не будем ли. Напоминаю, что приор Штайнkelлер, жестоко побитый братьями

Стерчами благочестивый старец, еле живой лежит у августинцев. Если после такого избиения он умрет, то возникнет проблема. Как раз для Стерчей.

– Что же до преступления чужеложства, – злотник Лукас Фридман вперился в свои унизанные перстнями ухоженные пальцы, – то примите во внимание, уважаемые господа, что это вовсе не наша юрисдикция. Хоть в Олесьнице и имел место разврат, участники одного подчиняются не нам. Гельфрад Стерча, которому изменила супруга, – вассал Зембицкого князя, как и соблазнитель, юный медик Рейнмар де Беляу...

– У нас имел место разврат и у нас имело место преступление, – жестко проговорил Гофрихтер. – К тому же немалое, если верить тому, в чем стерчева супруга призналась у августинцев. Что, мол, медикус ее чарами околдовал и чернокнижеством довел до греха. Принудил против ее желания.

– Все так говорят, – проворчал из глубин кружки бургомистр.

– Тем более, – равнодушно добавил злотник, – когда им приставляет нож к горлу кто-нибудь вроде Вольфгера де Стерчи. Правильно сказал преподобный отец Якуб: чужеложство есть преступление, *crimen*, и как таковое нуждается в расследовании и суде. Нам здесь не нужна кровная месть или побоища на улицах, мы не допустим, чтобы разбушевавшиеся хозяйчики поднимали тут руку на священников, размахивали ножами и уродовали людей на площадях. В Свиднице попал в башню один из Панневицей за то, что ударил оруженосца и кордом ему грозил. И это справедливо. Нельзя допустить разврата времен рыцарского произвола и своеволия. Дело должен рассмотреть князь.

– Тем более, – поддержал кивком головы бургомистр, – что Рейнмар из Белявы – дворянин, а Адель Стерчева – дворянка. Мы не можем их выпороть, как каких-то простолюдинов, или изгнать из города. Все должен решать князь.

– Спешить с этим не следует, – бросил, глядя в потолок, плебан Якуб Галль. – Князь Конрад выезжает во Вроцлав, перед выездом у него бесчисленное множество дел. Слухи, как и всякие слухи, конечно, наверняка уже давно дошли до него, но сейчас не время придавать этим

слухам официальный статус. Достаточно будет, когда князь вернется, изложить ему проблему. А до того времени многое может решиться само собой.

– Я тоже так считаю, – опять кивнул Бартоломей Захс.

– И я, – добавил злотник.

Ян Гофрихтер поправил куний колпак, сдул пену с кружки.

– Князя, – проговорил он, – информировать пока не стоит, подождем, когда вернется, в этом я согласен с вами, уважаемые. Но Святой Официум уведомить надобно. К тому же немедленно. О том, что мы у медикуса в кабинете нашли. Не крутите головой, господин Бартоломей, не стройте рожиц, уважаемый господин Лукас. А вы, преподобный, не вздыхайте и не считайте мух на потолке. Мне все это так же нужно, как и вам, и я так же жажду увидеть здесь Инквизицию, как и вы. Но при вскрытии кабинета присутствовало множество людей. А там, где скапливается много народу, всегда – думаю, я не открою страшную тайну – отыщется по крайней мере хотя бы один, который донесет Инквизиции. А если в Олесьницу нагрянет визитатор, то он нас же первых спросит, почему мы тянули.

– Я же, – Галль оторвал взгляд от потолка, – объясню. Лично я. Ибо это мой приход и на мне лежит обязанность информировать епископа и папского инквизитора. Мне также полагается оценивать, возникли ли обстоятельства, обосновывающие вызов и загрузку работой курии и Суда.

– Колдовство, о котором вопила у августинцев Адель Стерчева, не обстоятельство? Кабинет – не обстоятельство? Алхимическая реторта и пентаграмма на полу – не обстоятельства? Мандрагора? Черепа, руки скелетов? Хрусталь и зеркала? Бутылки и флаконы дьявол знает с какой дрянью или ядом? Лягушки в банках? Все это – не обстоятельства?

– Нет. Инквизиторы – люди серьезные. Их дело – *inquisito de articulis fidel* [note 32](#), а не какие-то бабские выдумки, предрассудки и лягушки. Такими глупостями я и не подумаю забивать им головы.

– А книги? Те, что вот здесь лежат?

– Книги, – спокойно ответил Якуб Галль, – вначале следует изучить.

Внимательно и не спеша. Святой Официум не запрещает читать книги и владеть ими.

– Во Вроцлаве, – угрюмо сказал Гофрихтер, – только что двое отправились на костер. Говорят, как раз за то, что у них были книги.

– Отнюдь не за книги, – сухо возразил плебан, – а за контумацию, за отказ отречься от сведений, содержащихся в этих книгах. Среди которых были письма Виклифа и Гуса, лоллардский «Floretus» [note 33](#), пражские статьи и многочисленные другие гуситские либеллы [note 34](#) и манифесты. Ничего подобного я не вижу среди книг, реквизированных в кабинете Рейнмара из Беявы, а вижу почти исключительно медицинские произведения. Кстати, в большинстве своем либо даже полностью являющиеся собственностью скриптория монастыря августинцев.

– Повторяю. – Ян Гофрихтер встал, подошел к выложенным на столе книгам. – Повторяю, я вовсе не горю желанием обратиться ни к епископской, ни к папской Инквизиции, я не намерен ни на кого доносить и видеть кого-либо вопящим на костре. Но тут речь идет о наших, прошу прощения, задницах. Чтобы и на нас не пало обвинение за эти книги. А что мы среди них видим? Кроме Галена, Плиния и Страбона? Саладин де Аскуло, «Compendium aromatorum», Скрибоний Лаг, «Compositiones medicamentorum», Бартоломей Англичанин, «De proprietatibus rerum», Альберт Великий, «De vegetalibus et peantes». «Великий», надо же, прозвище воистину достойное колдуна. А это, извольте, Сабур бен Саад. Абу Бекр аль-Рази. Нехристи! Сарацины!!

– Этих сарацинов, – спокойно пояснил, рассматривая свои перстни, Лукас Фридман, – преподают в христианских университетах. Как медицинских авторитетов. А ваш «колдун» – Альберт Великий – это епископ Регенсбургский, ученый теолог.

– Да? Хм-м... Посмотрим дальше... Вот! «Causae et cugae», написанная Хильдегардой Бингенской. Наверняка колдунья эта Хильдегарда!

– Не совсем, – улыбнулся плебан Галль. – Хильдегарда Бингенская, пророчица, именуемая Рейнской Сивиллой. Скончалась в ауре святости.

– Хе. Ну, если вы так утверждаете... А это что такое? Джон Герард? «General... Historic... of Plante». Интересно, по-какому это? Не иначе – по-

жидовскому. Впрочем, скорее всего какой-нибудь очередной святой. А вот здесь «Herbarius» Томаса Богемского.

– Как вы сказали? – поднял голову плебан Якуб. – Томас Чех?

– Так здесь написано.

– А ну покажите... Хм-м... Любопытно, любопытно... Все, оказывается, остается в семейном кругу. И вокруг родни крутится-вертится.

– Какой родни?

– Семейной. – Лукас Фридман по-прежнему, казалось, интересовался только своими перстнями. – Лучше не скажешь. Томас Чех, или Богемец, автор этого гербариуса, прадед нашего Рейнмара, любителя до чужих жен, наделавшего нам столько неприятностей и хлопот.

– Томас Богемец, Томас Богемец, – собрал в складки лоб бургомистр, – именуемый также Томасом Медиком. Слышал. Он был другом одного из князей... Не помню...

– Князя Генриха VI Вроцлавского, – спокойно пояснил злотник Фридман. – И верно, этот Томас был его другом. Крупный был в то время ученый, способный врач. Учился в Падуе, в Салерно и Монпелье...

– Говорили также, – вклинился Гофрихтер, уже некоторое время кивками подтверждавший, что тоже припоминает, – он еще был чародеем и еретиком.

– Ну, прицепились вы, господин Ян, – поморщился бургомистр, – к колдовству, что твоя пиявка. Успокойтесь.

– Томас Богемец, – заметил слегка суховатым тоном плебан, – был лицом духовным. Вроцлавским каноником, потом даже суфраганом дицезии [note 35](#) и почетным епископом Сарепты. [note 36](#) Он был лично знаком с папой Бенедиктом XII.

– Об этом папе тоже всякое говорили, – не думал отступать Гофрихтер. – Да, случались колдуны и среди инфулатов [note 37](#). В свое время инквизитор Швенкефельд...

– Да прекратите вы наконец, – оборвал его плебан Якуб. – Нас сейчас интересует нечто иное.

– И верно, – подтвердил злотник. – Я, например, знаю, что у князя Генрика не было потомка мужеского полу, а были только три дочери. С самой младшей, Маргаритой, наш священник Томас позволил себе завести роман.

– И князь допустил? Неужто настолько сильна была дружба?

– Князь в то время уже упокоился, – снова пояснил злотник. – Княгиня же Анна либо не знала, чем тут пахнет, либо знать не желала. Томас Чех в те годы еще не епископствовал, но был в прекрасных отношениях с остальной Силезией: с Генрихом Верным в Глогове, Казимиром в Чешине и Фриштатте, свидницко-яворским Больком Младшим, бытомско-козельским Владиславом, Людвигом из Бжега. К тому же представьте себе, господа, что человек не просто бывает в Авиньоне у Святого Отца, но еще и ухитряется извлечь у него мочевого камень так ловко, что после операции пациент не только сохраняет... куську, но она у него еще и встает. Если даже не ежедневно, то все же... Хоть, возможно, и звучит это несколько забавно, тем не менее я нисколько не шучу. Считается, что именно благодаря Томасу у нас в Силезии до сих пор сидят Пясты [note 38](#). Он, кстати, с равным успехом помогал и мужчинам, и женщинам. А также супружеским парам, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Боюсь, – сказал бургомистр, – что нет.

– Он ухитрялся помочь чете, у которой ничего не получалось в супружеском ложе. Теперь понимаете?

– Теперь – да, – кивнул Гофрихтер. – Стало быть, вроцлавскую княжну он... э... обработал тоже скорее всего в строгом соответствии с медицинским искусством. Результатом, естественно, оказался ребенок.

– Естественно, – подтвердил плебан Якуб. – Дело прикрыли обычной методой. Маргариту заперли у кларисок [note 39](#), ребенок попал в Олесьницу к князю Конраду. Конрад воспитывал его как сына. Томас Богем становился все более значительной фигурой всюду – в Силезии, в Праге у императора Карла IV, в Авиньоне, поэтому карьера мальчику была обеспечена уже с детства. Конечно, карьера духовная. В зависимости от того, сколь разумен он будет. Был бы глупым – получил бы сельский

приход. При средней глуповатости его сделали бы аббатом где-нибудь у цистерцианцев. Был бы умным – ждала б капитула одной из коллегиат.

– А каким он оказался?

– Неглупым. Пристойным, как отец. И храбрым. Не успел еще никто что-либо предпринять, а будущий князь уже бился с великопольчанами плечом к плечу с младшим князем, будущим Конрадом Старым. И бился так храбро, что не было другого выхода, как посвятить его в рыцари с пожалованием земельного надела. Таким-то манером скончался князек Тимо, да здравствует рыцарь Тимо Богем из Белявы, von Belau. Рыцарь Тимо, который вскоре недурно продвинулся, взяв в жены младшую дочку Гейденрайха Ностица.

– Ностиц выдал дочь за поповского ублюдка?

– К тому времени поп, родитель «ублюдка», стал вроцлавским суфраганом и епископом Сарепты, знался со Святым Отцом, вышел в советники Вацлава IV и был запанибрата со всеми князьями Силезии. Старый Гейденрайх наверняка и сам охотно сбагрил бы ему свою доченьку.

– Возможно.

– Из связи ностицевой дочери с Тимо де Беляу родились Генрик и Томас. В Генрике, видать, отозвалась дедова кровь, потому как он стал священником, прошел обучение в Праге и до смерти, совсем недавней, был схоластиком [note 40](#) у Святого Креста во Вроцлаве. Томас же взял в жены Богушку, дочь Микши из Прохова, и родил с нею двух детей: Петра, прозванного Петерлином, и Рейнмара, именуемого Рейневаном. Петерлин, или Петрушка, и Рейневан, то есть Пижма. Эдакие овощно-травяные когномены [note 41](#) – понятия не имею, сами ли они себе их придумали, или это была фантазия отца, который, раз уж мы об этом заговорили, полег под Танненбергом.

– На чьей стороне?

– На нашей, христианской.

Ян Гоффрихтер покачал головой, отхлебнул из кружки.

– А этот Рейнмар-Рейневан, привыкший подкатываться под бочок к чужим женам... Он кто у августинцев? Облат? [note 42](#) Конверс? [note 43](#) Послушник?

– Рейнмар Беляу, – усмехнулся плебан Якуб, – медик, учившийся в пражском Карловом университете. Еще до занятий в университете он обучался в кафедральной школе во Вроцлаве, потом познавал секреты травничества у свидницких аптекарей и у духовенства в Бжегском приюте. Именно духари и дядя Генрик, вроцлавский схоластик, пристроили его к нашим августинцам, специализировавшимся на лечении травами и злаками. Парень честно и искренне, доказав тем свое призвание, изучал медицину в Праге. Кстати, тоже по протекции дяди и на деньги, которые тот имел от канонии. На учебе, видимо, старался, потому что через два года стал бакалавром искусств, *artium baccalaureus*. Из Праги выехал сразу после... Хм-м...

– Сразу после дефенестрации [note 44](#), – не побоялся докончить бургомистр. – И это явно доказывает, что с гуситской, стал-быть, ересью его ничто не связывает.

– Ничто не связывает, – спокойно подтвердил злотник Фридман. – Я хорошо знаю это от сына, который в то время тоже обучался в Праге.

– Прекрасно получилось, – добавил бургомистр Захс, – что Рейневан вернулся в Силезию, и еще лучше, что к нам, в Олесьницу, а не в Зембицкое княжество, где его брат рыцарски служит князю Яну. Это хороший, разумный, хоть и молодой парень, а в траволечении столь умелый, что таких еще поискать. Жене моей чирьяки, которые у нее, стал-быть, там, ну, на теле появились, вылечил, а дочку от постоянного кашля освободил. Мне для глаз, которые слезились, дал отвар. Прошло, как рукой сняло...

Бургомистр замолк, закашлялся, засунул руки в обшитые мехом рукава делии. Ян Гофрихтер быстро глянул на него и заявил:

– Таким образом, наконец-то у меня посветлело в голове. Я имею в виду Рейневана. Теперь я знаю все. Хоть и незаконнорожденный, но кровь пястовская. Сын епископский. Любимец князей. Родственник Ностицей. Племянник схоластика вроцлавской коллегиаты. Сыновьям богатеев –

товарищ по учебе. К тому же, будто всего этого мало, успешно практикующий медик, чуть ли не чудотворец, ухитрившийся заработать благорасположение власть имущих. А от чего же это он вылечил вас, преподобный отец Якуб? От какого, любопыствую, недуга?

– Недуги, – холодно ответил плебан, – не тема для обсуждения. Так что скажу без подробностей: вылечил.

– Такого человека, – добавил бургомистр, – нельзя травить. Жаль, если такой погибнет от кровной мести только потому, что однажды забылся, очарованный парой прекрасных, стал-быть, глазок. Так пусть же продолжает служить обществу. Пусть лечит, коли умеет...

– Даже, – фыркнул Гоффрихтер, – используя пентаграмму на полу?

– Ежели это лечит, – серьезно сказал Галль, – ежели помогает, ежели успокаивает боль, то даже. Такие способности – дар Божий. Господь одаряет ими по своей воле и по ему одному известному намерению. Spiritus flat, ubi vult. [note 45](#) Пути Господни неисповедимы.

– Аминь, – подsumмировал бургомистр.

– Короче говоря, – не сдавался Гоффрихтер, – такой человек, как Рейневан, виновным быть не может? Об этом речь? Э?

– Кто невинен, – отвечивал с каменным лицом Якуб Галль, – пусть первым бросит камень. А Бог всех нас рассудит.

Некоторое время стояла тишина, настолько глубокая, что слышен был шелест крыльев ночных бабочек, бьющихся в окна. Со Свентоянской улицы донесся протяжный и певучий голос городского стражника.

– Итак, подводим итог. – Бургомистр выпрямился за столом так, что уперся в него животом. – Балаган в граде нашем Олесьнице устроили братья Стерчи. В материальном уроне и телесных повреждениях, возникших на рынке, виноваты Стерчи. В потере здоровья и, не приведи Господи, смерти его преподобия приора Штайнkelлера виноваты братья Стерчи. Они, и только они. Случившееся с Никласом фон Стерча было, стал-быть, прискорбной случайностью. Так я и изображу события князю, когда он вернется. Все согласны?

– Согласны.

– Consensus omnium. [note 46](#)

– Concordi voce. [note 47](#)

– А если Рейневан где-нибудь объявится, – добавил после минутного молчания плебан Галль, – то я советую господам тихо изловить его и запереть. Здесь, в карцере нашей ратуши. Ради его же собственной безопасности. Пока все не уляжется.

– Хорошо бы, – добавил Лукас Фридман, рассматривая перстни, – сделать это побыстрее. Прежде чем обо всем узнает Таммо Стерча.

Выходя из ратуши прямо во мрак улицы Светоянской, купец Гофрихтер уголком глаза уловил движение на освещенной луной стене башни – передвигающийся нечеткий силуэт немного пониже окон городского трубача, но повыше окон комнаты, в которой только что окончился совет. Взглянул, заслонив глаза от мешавшего видеть света фонаря, который нес слуга. «Какого черта, – подумал он и тут же перекрестился. – Что это там лазит по стенам? Филин? Сова? Летучая мышь? А может... »

Гофрихтер вздрогнул, перекрестился снова, по самые уши натянул куний колпак, закутался в шубу и прытко двинулся в сторону своего дома.

Поэтому так и не увидел, как большой стенолаз [note 48](#) распростер крылья, спустился, спорхнув с парапета, и беззвучно, словно дух, будто ночной призрак, понесся над крышами города.

Апечко Стерча, живший на Ледней, не любил бывать в замке Штерендорф. Причина была одна, к тому же простая: Штерендорф принадлежал Таммо фон Стерче, главе, сеньору и патриарху рода. Либо, как говорили некоторые, тирану, деспоту и мучителю.

В комнате было душно. И мрачно. Таммо фон Стерча не позволял раскрывать окон, опасаясь, как бы его не продуло, ставни тоже открывать не разрешалось, потому что свет резал глаза калеки.

Апечко был голоден. И запылен. Но некогда было ни поесть, ни почиститься. Старый Стерча не любил ждать. И не привык потчевать гостей. Особенно – родственников.

Поэтому Апечке оставалось только глотать слюну, чтобы смочить горло – выпить ему, естественно, тоже не подали, – и сейчас он излагал Таммо олесьненские события. Делал он это неохотно, но ничего не попишешь – надо. Калека – не калека, паралитик – не паралитик, но Таммо был главой рода. Сеньором, не спускавшим непослушания.

Старик слушал сообщение, устроившись на стуле в присущей ему невероятно перекошенной позе. «Старый покорёженный хрыч, – подумал Апечко. – Холерное изломанное пугало».

Причины состояния, в котором пребывал патриарх рода Стерчей, были известны не до конца и не всем. Согласие царило только в одном – Таммо хватил удар, когда он не в меру рассвирепел. Одни утверждали, якобы старец взбесился, узнав, что его личный враг ненавистный вроцлавский князь Конрад получил церковное епископское посвящение и стал наимогущественнейшей личностью Силезии. Другие уверяли, будто трагическую вспышку вызвала невестка Анна из Погожелья, пережарившая Таммо его любимое блюдо – гречневую кашу со шкварками. Как там случилось «в натуре», неизвестно, однако результат был, как говорится, налицо, и не заметить его было невозможно. После произошедшего Стерча мог шевелить – впрочем, очень неуклюже, – только левой рукой и левой ногой. Правое веко было всегда опущено, из-под левого, которое ему иногда удавалось приподнять, порой пробивались слизистые слезы, а из уголка перекошенного в кошмарной гримасе рта текла слюна. Несчастье привело также к почти полной утрате речи, откуда и пошло прозвище старика – Хрипач.

Однако потеря способности говорить не повлекла за собой – на что рассчитывала вся родня – потери контакта с миром. О нет. Владелец Штерендорфа по-прежнему держал род в узде и был пугалом для всех, а то, что хотел сказать, говорил, так как всегда на подхвате у него был кто-нибудь из тех, кто ухитрялся понять и переложить на человеческий язык его бульканья, храпы, гундосенье и крики. Этим кем-то, как правило, был ребенок – один из многочисленных внучат либо правнучат Хрипача.

Сейчас в толмачах ходила десятилетняя Офка фон Барут, которая, сидя у ног старца, наряджала кукол в цветные лоскутки.

– Так вот. – Апечко Стерча закончил рассказ и откашлялся. После чего перешел к заключению. – Вольфгер через посланца просил уведомить, что с делом управится быстро. Что Рейнмар Беляу будет схвачен на вроцлавском тракте и понесет наказание. Однако сейчас руки у Вольфгера связаны, потому как по тракту движется со всем своим двором олесьницкий князь и всякие важные духовные особы, так что никак не получится... Неизвестно, как погоню вести. Но Вольфгер клянется, что изловит Рейневана и что ему можно доверить честь рода.

Веко Хрипача подскочило, изо рта вытекла струйка слюны.

– Ббббх-бхх-бхх-бхубху-ррхххп-пххх-ааа-ррх! – разлилось в комнате. – Ббб... хрррх-урррхх-бхуух! Гуггу-ггу...

– Вольфгер – дурной кретин, – перевела тоненьким мелодичным голоском Офка фон Барут. – Глупец, которому я не доверил бы даже ведра блевотины. А единственное, что он способен поймать, это свой собственный кутас.

– Отец...

– Ббб-брррх! Бххр! Уу-пхр-рррххх!

– Молчать! – не поднимая головы, перевела занятая куклой Офка. – Слушать, что я скажу. Что прикажу.

Апечко терпеливо переждал хрипы и скрипы, дождался их перевода.

– Для начала, Апеч, велишь установить, – приказывал Таммо Стерча устами девочки, – какой берутовской бабе поручили надзор над бургундкой и которая не разобралась в истинной цели благотворительных походов бургундки в Олесьницу. Похоже, она была в сговоре с паршивкой. Бабе отвесить тридцать пять крепких розг. По голой заднице. Здесь, у меня, на моих глазах. Пусть нам хоть это доставит немного радости.

Апечко Стерча кивнул головой. Хрипач закашлялся, захрипел и весь оплевался. Потом жутко скривился и загугнил.

– А бургундку, – перевела Офка, расчесывая маленьким гребешком паклевые волосы куклы, – о которой мне уже известно, что она спряталась у лиготских цистерцианок, приказываю вытащить оттуда, даже если для этого понадобится брать монастырь штурмом. Потом запереть развратницу у верных нам монахов, например...

Таммо резко перестал икать и гугнить, скрип замер у него в горле. Прошиваемый навыворот кровавым глазом Апечко понял, что старик заметил его обеспокоенную мину. Сообразил. Дальше правду скрывать было нельзя.

– Бургундка, – промямлил он, – сумела сбежать из Лиготы. Втихаря...
Неизвестно куда. Заняты погоней... Не уберегли... мы...

– Интересно, – перевела Офка после долгой тишины, – интересно, почему это меня вовсе не удивляет. Но коли так, то пусть так и будет. Я не стану забивать себе голову курвой. Пусть эту историю расхлебывает Гельфрад, когда вернется. Пусть все сделает собственноручно. Меня его рога не колышат. Впрочем, в этой семейке подобное не новость. Меня самого когда-то здорово обогатили. Ибо не может быть, чтобы мои собственные чресла породили таких дурней.

Хрипач несколько минут кашлял, хрипел, храпел и давился. Но Офка не переводила, стало быть, это была не речь, а обычный кашель. Наконец старец заскрипел, набрал духу, скривился как черт и саданул посохом о пол, после чего забулькалзахрипел-загугнил. Офка прислушалась, засунув в рот конец косы.

– Но Никлас, – перевела она, – был надеждой нашего рода. Истинная моя кровь, кровь Стерчей, не какие-то обмылки после неведомо каких собачьих случек. Поэтому нельзя допустить, чтобы убийца не заплатил за пролитую им кровь. К тому же с лихвой.

Таммо снова долбанул палкой о пол. Палка выпала у него из трясущейся руки. Хозяин Штерендорфа кашлял и чихал, отплевываясь и покрываясь соплями. Стоящая рядом Грозвита фон Барут, дочь Хрипача и мать Офки, отерла ему бороду, подняла и сунула в руку посох.

– Хгrrrrxx! Хрxx... Ббб... бхrr... бхrrллг...

– Рейнмар Беляу заплатит мне за Никласа, – без всяких эмоций переводила

Офка. – Заплатит, Бог мне свидетель и все святые. Я засажу его в яму, в клетку, в такой сундук, в котором глоговцы заперли Генрика Толстого, с одной дыркой для кормежки и другой как раз напротив, так чтобы он даже почесаться не мог. И продержу его там с полгода. И только потом возьмусь за него. А за палачом пошлю аж в Магдебург, у них там отличные палачи, не то что здешние, силезские, у которых деликвент [note 49](#) поддыхает уже на второй день пыток. О нет, я притащу мастера, который посвятит убийце Никласа неделю. Либо две.

Апечко Стерча сглотнул.

– Но чтобы это сделать, надо сначала прохвоста схватить. А тут нужна голова. Разум. Потому что сукин сын не глуп. Глупец не сделался бы бакалавром в Праге, не закрался бы в доверие к олесьницким монахам. И не сумел бы так ловко подобраться к Гельфрадовой французке. За таким ловкачом мало гоняться будто дурак дураком по вроцлавскому тракту, выставять себя на посмеище. Придавать делу широкую огласку, которая служит службу не нам, а соблазнителю.

Апечко кивнул. Офка взглянула на него, потянула курносый нос и продолжала.

– У соблазнителя есть брат, сидящий на земельном наделе где-то подле Генрикова. Вполне вероятно, что там он поищет укрытия. А может, уже нашел. Другой же Беляу был, пока жил, попом при вроцлавской церкви, поэтому не исключено, что подлец захочет спрятаться у подлеца. Я хотел сказать – у его преподобия епископа Конрада. Старого пьянчуги и разбойника.

Грозвита Барут снова вытерла старцу бороду, обсмарканную в гнев.

– Кроме того, у хахаля есть знакомцы среди духовников в Бжеге. В приюте. Именно туда и мог наш умник отправиться, чтобы сбить с толку Вольфгера. Что, впрочем, не так уж и трудно. И наконец, самое важное, наставь уши, Апеч. Я уверен, что наш соблазняя захочет разыграть из себя трувера, прикинуться каким-нибудь засраным Лоэнгрином или другим Ланселотом... Захочет подползти к французке. И там, в Лиготе, вернее всего, мы его и прихватим, как кобеля при сучке во время течки.

– Как же так, в Лиготе-то? – осмелел Апечко. – Ведь она...

– Сбежала. Знаю. Но он-то не знает.

«Старый хрен, – подумал Апечко, – душа у него еще сильнее перекошена, чем тело. Но хитер лис! И знает, прямо сказать, многое. Все».

– Но для того, что я сказал, – переводила на человеческий язык Офка, – вы, сыновья мои и племянники, похоже, кровь от крови и кость от кости моей, годитесь плохо. Поэтому что есть духу ты сначала отправишься в Немодлин, а потом в Зембицы. Там... Слушай как следует, Апеч, отыщешь Купца Аулока по прозвищу Кирьелейсон. И других: Вальтера де Барби, Сыбка из Кобылейглавы, Сторка из Горговиц. Этим скажешь, что Таммо Стерча заплатит тысячу рейнских золотых за живого Рейнмара де Беляу. Тысячу, запомни.

Апечко сглатывал слюну при каждом имени. Потому что это были имена самых жутких во всей Силезии разбойников и убийц, мерзавцев без совести и чести. И без веры. Готовых замордовать собственную бабушку за сказочную сумму в тысячу гульденов. «Моих гульденов, – зло подумал Апечко. – Потому что они должны были бы стать моей долей после того, как паскудный скелетина откинет наконец копыта».

– Ты понял, Апечко?

– Да, отец.

– Тогда – пшел! Вываливай отсюда. Давай – в путь. Выполняй что приказано.

«Сначала, – подумал Апечко, – пойду на кухню и выпью за двоих. Скупец дряхлый. А там – посмотрим».

– Апеч.

Апечко Стерча повернулся. И взглянул. Но не на искривленное и налившееся кровью лицо Хрипача, которое не в первый раз показалось ему здесь, в Штерендорфе, чем-то противоестественным, ненужным, каким-то неуместным. Апечко глянул в огромные ореховые глаза маленькой Офки, посмотрел на Грозвиту, стоящую за стулом...

– Да, отец?

– Не подведи нас.

«А может, – пронеслось у Апечки в голове, – это вовсе и не он? Может, его здесь нет, может, на стуле сидят останки, полутруп, у которого паралич уже полностью выжрал мозг? Может, это... они. Эти бабы – молоденькие, юные, средние и старые – командуют в Штерендорфе?»

Он быстренько отогнал от себя нелепую мысль.

– Не подведу, отец.

Апечко Стерча и не подумал спешно выполнять приказы, а вместо этого, бормоча под нос ругательства, быстро направился в кухню замка и велел подать себе все, чем упомянутая кухня богата. В том числе остатки оленьего окорока, жирные свиные ребрышки, большой круг кровяной колбасы, шмат подсушенной пражской ветчины и несколько отваренных в бульоне голубей. Вдобавок – ковригу хлеба размером с сарацинский круглый щит. Ну и разумеется, вина, самого лучшего, венгерского и молдавского, которое Хрипач держал исключительно для собственного употребления. Однако паралитик мог сколь угодно командовать и хозяйничать у себя в комнате наверху, а вне этого пространства исполнительная власть принадлежала другому. За пределами комнаты хозяином был Апечко Стерча.

Апечко таковым себя и чувствовал, а поэтому сразу же, как только вошел в кухню, показал это всем и вся. Собака получила пинка, заскулила и сбежала. Сбежала кошка, ловко увильнув с трассы запущенного в нее деревянного черпака. Слуги аж присели, когда на каменный пол грохнулся чугунный котел. Растерявшаяся больше других служанка отхватила по шее и тут же узнала, что она курвочка и недотепа. Очень много сведений о себе и своих родителях получили слуги, причем некоторые из них познакомились с хозяйским кулаком, твердым и тяжелым, как железная чушка. Тот, которому пришлось дважды повторить приказ принести вина из хозяйского погреба, получил такого пинка, что в путь отправился на четвереньках.

Вскоре после этого расположившийся за столом Апечко – хозяин Апечко! – жрал жадно и огромными кусками, пил попеременно молдавское и венгерское, по-господски кидал на пол кости, плевался, отрывал и из-

подо лба поглядывал на толстую экономку, ожидая только предлога.
«Старый хрен, паралитик, пердун, отцом велит себя называть, а кто он мне? Всего лишь дядька, отцов брат. Но приходится терпеть. Потому что когда он наконец протянет ноги – я, самый старший Стерча, стану главой рода. Наследством, ясный перец, надо будет поделиться, но главой рода буду я. И все это знают. Ничто мне не мешает, никто не может мне в этом...»

– Помешать, – вполголоса буркнул Апечко, – мне может драчка с Рейневаном и женой Гельфрада. Помешать мне может кровная месть, означающая стычку с ландфридом. [note 50](#) Помешать может наем убийц и разбойников. Шумное преследование, содержание в яме, избиение и пытка парня – родственника Ностицей, близкого по крови Пястам. И ленника Яна Зембицкого. И вроцлавский епископ Конрад, который Хрипача любит так же, как Хрипач его, только и ждет случая ухватить Стерчей за задницу.

Скверно, скверно, скверно.

«А всему виной, – неожиданно решил Апечко, ковыряя в зубах, – Рейневан. Рейнмар из Беявы. И за это он заплатит. Но не так, чтобы расшебуршить всю Силезию. Заплатит обычно, по-тихому, в темноте, ножом под ребро. Когда – как это здорово угадал Хрипач – он тайно явится в лиготский монастырь цистерцианок, под окно своей любовницы, Гельфрадовой Адели. Один удар ножом, всплеск воды в цистерцианском пруду с карпами. И ша. Ни звука.

С другой стороны, от поручения Хрипача полностью отмахиваться нельзя. Хотя бы потому, что Хрипач привык контролировать выполнение своих приказов. Поручать их выполнение не одному человеку, а нескольким.

Так, что же делать, ядрена вошь?»

Апечко со звоном всадил нож в крышку стола, одним духом опорожнил кружку. Поднял голову, встретил взгляд толстой экономки.

– Ну, чего вылупилась?

– Старый хозяин, – спокойно проговорила экономка, – недавно еще привез отличное итальянское. Велеть принести, ваша светлость?

– Само собой. – Апечко невольно улыбнулся, почувствовав, как

спокойствие женщины передается и ему. – Конечно, прикажите нацедить, отведаем, что там дозрело в той Италии. Отправьте также кого-нито в сторожевую, пусть мне немедля доставят такого парня, который хорошо управляется с лошадьё, да и чтоб голова была на плечах. Такого, который сумеет послание доставить.

– Как прикажете, хозяин.

Подковы зацокали по мосту, выезжающий из Штерендорфа гонец оглянулся, сделал ручкой невесте, машущей ему с вала беленькой косынкой. И неожиданно уловил движение на освещенной луной стене сторожевой башни. Шевелящуюся туманную тень. «Кой черт, – подумал он, – что там такое лазит? Филин? Сова? Летучая мышь? А может... »

Гонец прошептал заклинание против сглаза, сплюнул в ров и дал коню шпоры. Послание, которое он вез, было срочным. А хозяин, давший его, строгим.

Он не видел, как большой стенолаз раскинул крылья и беззвучно, словно дух, словно ночное видение, полетел над лесами на запад, в сторону долины Видавы.

Замок Сенсенберг, как знали все, построили тамплиеры и неспроста выбрали именно это, а не другое место. Вздыхающаяся над рваной кручей вершина горы была в древние времена местом отправления культа языческих богов, здесь стояла кончина [note 51](#), в которой, судя по преданиям, древние обитатели этих земель, треболяне и бобряне, приносили своим идолам человеческие жертвы. Когда от капища остались только круги, выложенные из окатанных, обомшелых, укрывшихся среди сорняков камней, языческий культ не замирал, на вершине по-прежнему горели костры накануне Ивана Купалы. Еще в 1189 году вроцлавский епископ Жирослав жестокими карами угрожал тем, кто отважится отмечать в Сенсенберге *festum dyabolicum et maledicum*. [note 52](#) Да еще и без малого сто лет спустя епископ Вавжинец гноил в ямах тех, кто осмеливался праздновать.

Тем временем, как сказано, прибыли тамплиеры. Построили свои силезские замки, грозные и зубчатые миниатюры сирийских Краков [note 53](#), возводившиеся под надзором людей, обмотанных платками и с лицами

темными, как дубленая бычья кожа. Не случайно для размещения крепостей всегда выбирали священные места древних, уходящих в небытие культов, такие, как Малая Олесьница, Отмент, Рогов, Хабендорф, Фишбах, Петервиц, Овесно, Липа, Брачишова Гура, Серебряная Гура, Кальтенштайн. И конечно, Сенсенберг.

А потом тамплиерам пришел конец. Справедливо ли, нет ли, спорить поздно, но с ними покончили. Каждому известно, как это было. Их замки заняли иоанниты, поделили между собой быстро богатеющие монастыри и как грибы вырастающие силезские магнаты. Некоторые замки, несмотря на таившееся в их корнях могущество, очень скоро обратились в руины. Руины, которых избегали, обходили стороной. Которых боялись.

Не без причин.

Несмотря на быстро прогрессирующую колонизацию, несмотря на волны жаждущих земли поселенцев из Саксонии и Тюрингии, Надрейна и Франконии, гору и замок Сенсенберг по-прежнему окружала широкая полоса ничейных земель, пустошей, на которые забирались только браконьеры да беглецы. Именно от них-то, браконьеров и беглых, впервые пошли рассказы о необычных птицах, о кошмарных наездниках, об огнях, мерцающих в окнах замка, о диких и жутких криках и пении, мрачной музыке органов, как бы пробивающейся из-под земли.

Были такие, которые не верили. Были и такие, которых соблазняли сокровища тамплиеров, вроде бы по-прежнему лежащие где-то в подземельях Сенсенберга. Были и просто любопытствующие и беспокойные души.

Эти не возвращались.

Окажись в ту ночь поблизости от Сенсенберга какой-нибудь браконьер, беглец или искатель приключений, гора и замок послужили бы поводом для возникновения очередных легенд. Из-за горизонта налетела буря, небо то и дело освещалось стрелами далеких молний, настолько далеких, что сюда не долетало даже ворчание грома. А черная на фоне разгоравшегося неба глыба замка вдруг расцветивалась яркими глазницами окон.

И все потому, что внутри этой с виду развалины помещался огромный, с высоким потолком рыцарский зал. Освещавшие его канделябры,

подсвечники и горящие в железных держателях факелы вырывали из мрака фрески на строгих голых стенах. На фресках рыцарские и религиозные сцены. На стоящий посреди зала огромный круглый стол глядели опустившийся на колени перед Граалем Персеваль, Моисей, несущий каменные скрижали с горы Синай, Роланд в битве под Альбраккой и святой Бонифаций, принимающий мученическую смерть от мечей фризов, Годфрид Бульонский, въезжающий в захваченный Иерусалим. И Иисус, второй раз падающий под тяжестью креста. Все они смотрели своими чуточку византийскими глазами на стол и сидящих за ним рыцарей в полных доспехах и плащах с капюшонами. Через открытое окно с порывом ветра влетел большой стенолаз.

Птица совершила круг, отбрасывая призрачную тень на фрески, уселась, взъерошив перья, на спинку одного из стульев. Раскрыла клюв и заскрипела, а прежде, чем скрип умолк, на стуле уже сидела не птица, а рыцарь. В плаще и капюшоне, как близнец похожий на остальных.

– Adsumus [note 54](#), – глухо проговорил Стенолаз. – Мы здесь, Господи, собравшиеся во имя Твое. Прииди к нам и пребудь среди нас.

– Adsumus, – в один голос повторили собравшиеся за столом рыцари. – Adsumus! Adsumus!

Эхо пронеслось по замку, как раскаты грома, как отзвуки далекой битвы, как грохот тарана о городские ворота. И медленно замерло в темных коридорах.

– Хвала Господу, – проговорил Стенолаз, дождавшись тишины. – Близок день, когда в прах обратятся все враги Его. Горе им! Потому мы здесь!

– Adsumus!

– Провидение, – Стенолаз поднял голову, и глаза его загорелись отраженным светом пламени, – ниспосылает нам, братья мои, очередную возможность поразить врагов Господа и еще раз покарать врагов веры. Пришло время нанести очередной удар! Запомните, братья, это имя: Рейнмар из Беявы. Рейнмар из Беявы, именуемый Рейневаном. Послушайте.

Рыцари в капюшонах наклонились, слушая. Сгибающийся под тяжестью

креста Иисус смотрел на них с фрески, а в его византийских глазах была беспредельность очень человеческого страдания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой разговор пойдет о делах, так мало – казалось бы – имеющих между собой общего, как соколиная охота, династия Пястов, капуста с горохом и чешская ересь. А также о диспуте, касающемся проблемы, следует ли, а если следует, то когда держать слово

У речки Олесьнички, извивающейся по черным ольховым заливным лугам среди белых берез и зеленеющих полей, на возвышении, с которого видны были крыши и дымы деревни Боровая, княжеский кортеж сделал долгий привал. Но не для того, чтобы перекусить самим и накормить лошадей, а совсем наоборот – для того, чтобы измучиться. То есть – по-господски – развлечься.

Когда кортеж подъезжал, с лугов сорвались тучи пернатых – уток, чирков, нырков и даже цапель. Видя это, князь Конрад Кантнер, хозяин Олесьницы, Тжебницы, Милюча, Счинавы, Воловья и Смогожева, а совместно с братом Конрадом Белым также и Козьла, немедленно приказал свите остановиться и подать ему любимых соколов. Князь прямо-таки маниакально любил соколиную охоту. Олесьница и финансы могли подождать, вроцлавский епископ мог подождать, политика могла подождать, вся Силезия и весь мир могли подождать – и все ради того, чтобы князь мог увидеть, как его любимый Раби вырывает перья из крякв, и убедиться, что Серебряный выйдет победителем из воздушной схватки с цаплей.

Поэтому князь как одержимый носился галопом по прибрежным зарослям и заливным лугам, а вместе с ним столь же энергично, хоть и не совсем по своей воле, мотались его старшая дочь Агнешка, сенешаль Рудигер Хаугвиц и несколько карьеристов-пажей.

Остальная свита ожидала у леса. Не слезая с лошадей, поскольку неведомо

было, когда князю наскучит. Заграничный гость князя незаметно зевал. Капеллан бурчал – вероятно, читал молитву, казначей шевелил губами, вероятно, считал деньги, миннезингер бормотал, вероятно, слагал стихи, девушки княжны Агнешки сплетничали, вероятно, относительно других девушек, а юные рыцари убивали скуку, объезжая и исследуя окружающие заросли.

– Эй, Бычок!

Генрик Кромпуш, сильно удивившись, остановил и развернул коня, а потом прислушался, пытаясь понять, который куст тихо окликнул его фамильным прозвищем.

– Бычок!

– Кто здесь? Покажись.

Кусты зашевелились.

– Святая Ядвига... – Кромпуш от удивления аж рот раскрыл. – Рейневан? Ты?

– Нет, святая Ядвига, – ответил Рейневан голосом не менее кислым, чем крыжовник в мае. – Бычок, мне нужна помощь... Чья это свита? Кантнера?

Прежде чем Кромпуш сообразил что к чему, к нему присоединились еще два олесьницких рыцаря.

– Рейневан, – ахнул Якса из Вишни. – Господи Иисусе! Что за вид!

«Интересно, – подумал Рейневан, – как бы выглядел ты, если б конь у тебя пал сразу за Быстрым. Если б тебе пришлось всю ночь бродить по болотам и урочищам над Свежной, а к утру сменить мокрые и измазюканные тряпки на свистнутую с крестьянского забора сермягу. Интересно, как бы ты после всего этого выглядел, прилизанный фертик?»

Угрюмо поглядывавший на них третий олесьницкий рыцарь, Бонно Эберсбах, похоже, думал так же.

– Вместо того чтобы удивляться, – сухо сказал он, – дайте ему какую-

нибудь одежку. Скинь это рванье, Беляу. А ну, господа, вытаскивайте из выюков что у кого есть.

– Рейневан, – до Кромпуша все еще доходило слабо, – это ты?

Рейневан не ответил. Натянул брошенную ему рубаху и кафтан. Он был настолько зол, что казалось, вот-вот заплачет.

– Мне нужна помощь... – повторил он. – Даже очень.

– Видим и знаем, – кивком подтвердил Эберсбах. – Мы тоже считаем, что очень. Пошли. Надо показать тебя Хаугвицу. И князю.

– Он знает?

– Все знают. О твоём деле повсюду говорят.

Если Конрад Кантнер с его вытянутым лицом, увеличенным лбом, который казался больше из-за залысин, черной бородой и проницательными глазами монаха не очень походил на типичного представителя династии, то относительно его дочери Агнешки сомнений быть не могло. Недалеко упало это яблочко от силезско-мазовецкой яблоньки. У княжны были льняные волосы, светлые глаза и небольшой вздернутый веселый носик Пястовны, который обессмертил знаменитый рельеф наумбургского кафедрального собора. Агнешке Кантнерувне, как быстро подсчитал Рейневан, было около пятнадцати лет, так что ее наверняка уже кому-то сосватали. Слухов Рейневан не помнил.

– Встань.

Он встал.

– Знай, – проговорил князь, сверля его горящим взглядом, – что я не одобряю твоего поступка. Больше того, считаю его низким, позорным и заслуживающим наказания. И откровенно советую тебе пожалеть о содеянном и покаяться, Рейнмар Беляу. Мой капеллан заверяет меня, что в пекле есть специальный анклав [note 55](#) для чужеложцев. Инструменту греха попавших туда грешников крепко достается от бесов. В детали не вхожу, учитывая присутствие девушки.

Сенешаль Рудигер Хаугвиц сердито фыркнул. Рейневан молчал.

– Какую сатисфакцию ты дашь Гельфраду фон Стерча, – продолжал Кантнер, – это уже его и твое дело. Я не стану вмешиваться, тем более что оба вы вассалы не мои, а князя Яна Зембицкого. И в принципе я должен отправить тебя в Зембицы. Умыв руки.

Рейневан сглотнул.

– Но, – продолжал князь после минуты полного драматизма молчания, – я не Пилат. Это раз. Во-вторых, памятуя о твоём отце, сложившем под Танненбергом голову рядом с моим братом, я не допущу, чтобы тебя убили в ходе идиотской кровной мести. В-третьих, уже вообще пора покончить с межродовыми распрями и жить как полагается европейцам. Это все. Дозволю тебе ехать с моей свитой хоть до самого Вроцлава. Но не лезь мне на глаза. Ибо их не радует твой вид.

– Ваша княжеская...

Охота окончилась. Соколам надели клобучки на головы, утки и цапли болтались, притороченные к перекладинам телеги, князь был доволен, его свита тоже, потому что обещавшая затянуться охота оказалась совсем недолгой. Рейневан уловил несколько явно благодарных взглядов – по кортежу уже успело разнестись, что именно благодаря ему князь урезал охоту и двинулся дальше. Рейневан не без оснований опасался, что разнестись успело не только это. Уши у него горели. Как же – предмет всеобщего внимания!

– Все, – буркнул он едущему рядом Бенно Эберсбаху. – Все знают всё...

– Всё, – совсем невесело ответил олесьенский рыцарь. – Но на твоё счастье не все.

– Не понял.

– Дураком прикидываешься, Беляу? – спросил Эберсбах, не повышая голоса. – Кантнер наверняка прогнал бы тебя, а может, и отослал бы в путях к кастеляну, если б знал, что в Олесьнице был труп. Да, да, не тарачись на меня. Юный Никлас фон Стерча мертв. Гельфрадовы рога рогами, но убитого брата Стерчи не простят тебе ни за что.

– Пальцем... – сказал, несколько раз глубоко вздохнув, Рейневан. – Никласа я даже пальцем не тронул. Клянусь.

– Вдобавок, – Эберсбах явно не обратил внимания на клятву, – прекрасная Адель обвинила тебя в колдовстве. Ты, мол, зачаровал ее и... использовал. Безвольную.

– Даже если то, что ты говоришь, правда, – ответил после недолгого молчания Рейневан, – то ее заставили так сказать. Под угрозой смерти. Ведь она у них в руках.

– Нет, не в руках, – возразил Эберсбах. – От августинцев, будучи у которых она публично обвинила тебя в дьявольских кознях, прекрасная Адель сбежала в Лиготу. За ворота монастыря цистерцианок.

Рейневан облегченно вздохнул.

– Не верю, – повторил он, – в эти наговоры. Она меня любит. А я люблю ее.

– Прекрасно.

– Если б ты знал, как прекрасно.

– Особенно прекрасно, – взглянул ему в глаза Эберсбах, – стало после того, как обыскали твой кабинет.

– М-да. Этого я боялся.

– И правильно. По моему скромному разумению, инквизиторы еще не сидят у тебя на шее только потому, что не закончили инвентаризовать дьявольства, которые у тебя нашли. От Стерчей Кантнер может тебя защитить, но от Инквизиции, пожалуй, нет. Когда разнесется весть о твоём чернокнижестве, он выдаст тебя сам. С потрохами. Не едь с нами до Вроцлава, Рейневан. Отойди раньше и беги, скройся где-нибудь. Я тебе добром советую. Кстати, при okazji, – бросил как бы мимоходом Эберсбах. – Ты действительно разбираешься в магии? Я, понимаешь, недавно познакомился с одной... девицей... Ну... Как бы сказать... Не помешал бы какой-нибудь эликсир...

Рейневан не ответил. От головы кортежа долетел окрик.

– В чем дело?

– Быкув, – догадался Бычок. – Корчма «Под гусаком».

– Ну и слава Богу, – вполголоса добавил Якса из Вишни, – а то я уж зверски проголодался из-за сраной охоты.

Рейневан на сей раз опять не ответил. Однако исходящее из его внутренностей протяжное бурчание было красноречивым сверх меры.

Корчма «Под гусаком» была большой и наверняка пользовалась известностью, потому что была полна гостей. И местных, и приезжих. Это было видно по лошадям, телегам и шатающимся вокруг них слугам и вооруженным людям. К тому времени, когда кортеж князя Кантнера с большим фасоном и шумом въехал во двор, корчмарь был уже предупрежден. Он вылетел из дверей будто каменный шар из бомбарды, разгоняя птицу и разбрызгивая навоз и помет. Теперь он переступал с ноги на ногу и прямо-таки перегибался в поклонах.

– Добро пожаловать, добро пожаловать. Бог – в дом, – пыхтел он. – Какая честь, какой почет, что ваша светлейшая милость...

– Что-то людновато здесь сегодня. – Кантнер соскочил с удерживаемого слугой гнедого. – Принимаешь кого-то? Это кто же тут горшки опоражняет? Думаю, хватит и для нас?

– Несомненно, хватит, несомненно, – заверял корчмарь, с трудом ловя воздух. – Да уж и не людно вовсе... Потаскух, голиардов [note 56](#) и кметов я выгнал, едва ваших милостей на тракте приметил. Совсем свободна изба ноне. Аркер тожить свободен. Только вот...

– Только что? – насупил брови Рудигер Хаугвиц.

– Гости в избе. Важные и духовные особы... Послы. Я не посмел...

– Ну и хорошо, что не посмел, – прервал Кантнер. – Меня б опозорил на всю Олесьницу, коли б посмел. Гости – это гости! А я – Пяст, а не сарацинский султан. Для меня никакой не урон быть рядом с гостями. Входите, господа.

В несколько задымленной и переполненной ароматами капусты комнате действительно было не оченьлюдно. Да и занят-то был всего один стол, за которым сидели трое мужчин. Все с тонзурами. На двоих были одежды, характерные для духовных лиц в пути, но такие богатые, что их владельцы никак не могли быть простыми плебанами. На третьем была доминиканская ряса.

Видя входящего Кантнера, духовные особы поднялись с лавки. Тот, что был в самой богатой одежде, поклонился, но без всякого подобострастия.

– Ваша милость князь Конрад, – проговорил он, доказав хорошую осведомленность, – воистину большая для нас честь. Я, с вашего разрешения, Мачей Корзбок, официал [note 57](#) познанской епархии, направляюсь во Вроцлав, к брату вашей милости епископу Конраду с миссией от его преосвященства епископа Анджея Ласкара. А это мои спутники, как и я, из Гнёзна во Вроцлав направляющиеся: пан Мельхиор Барфусс, викарий его преподобия Христофора Ротенгагена, епископа Любушского. А также преподобный Ян Неедлы из Высоке, prior Ordo Praedicatorum [note 58](#), направляющийся с миссией от краковского провинциала ордена.

Бранденбуржец и доминиканец показали тонзуры, Конрад Кантнер ответил легким наклоном головы.

– Ваша милость, ваши преосвященства, – проговорил он в нос. – Мне приятно будет откусать в столь достойном обществе. И побеседовать. Побеседуем же, если это не наскучит вашим преподобиям, мы и здесь, и в пути, поскольку я также еду во Вроцлав с дочерью... Подойди, Агнешка. Поклонись слугам Христовым.

Княжна сделала реверанс, наклонила головку, намереваясь поцеловать руку, но Мачей Корзбок остановил ее и быстро перекрестил. Чешский доминиканец сложил руки, наклонил голову, пробормотал короткую молитву, добавив что-то о clarissima puella. [note 59](#)

– А это, – продолжал Кантнер, – господин сенешаль Рудигер Хаугвиц. Это – мои рыцари и мой гость...

Рейневан почувствовал, как его дернули за рукав. Послушавшись жеста и шипения Кромпуша, он вышел с ним во двор, где по-прежнему не

прекращалась вызванная прибытием князя суматоха. Во дворе их поджидал Эберсбах...

– Я кое-что разузнал, – сказал он. – Они были здесь вчера. Вольфгер Стерча сам-шесть. Выспрашивал я также тех, из Великопольши. Стерчи задерживали их, но не смели навязываться духовным особам. Однако, судя по всему, они ищут тебя на вроцлавском тракте. Я бы на твоём месте бежал.

– Кантнер, – буркнул Рейневан, – меня защитит...

Эберсбах пожал плечами:

– Воля твоя. И шкура. Вольфгер очень громко и подробно излагал, что сделает с тобой, когда поймает. Я на твоём месте...

– Я люблю Адель и не брошу ее! – вспыхнул Рейневан. – Это во-первых. А во-вторых... Куда бежать-то? В Польшу? Или, может, в Жмудь?

– Недурная мысль. Я имею в виду Жмудь.

– Вон, зараза! – Рейневан пнул крутящуюся у ног квочку. – Ладно. Подумаю. И что-нибудь вымыслю. Но для начала поем. Подышаю с голоду, а запах здешней капусты меня доконает.

Действительно, самое время было приняться за еду. Ещё момент, и юношам пришлось бы ограничиться ароматом. Горшки каши и капусты с горохом, а также миски свиных костей с мясом поставили на главный стол перед князем и княжной. Посуда отправлялась на край стола лишь после того, как ее содержимым насыщались гости, сидевшие ближе других к Кантнеру и трем священнослужителям, которые, как оказалось, в состоянии были съесть немало. По дороге вдобавок ко всему сидел Рудигер Хаугвиц, обладавший не меньшим, нежели они, аппетитом, и еще заграничный гость князя, здоровенный черноволосый рыцарь с таким смуглым лицом, словно он только что вернулся из Святой Земли. Таким образом, в тарелках и мисках, достававшихся низшим рангам и более молодым едокам, не оставалось почти ничего. К счастью, немного погодя корчмарь поднес князю огромное блюдо с каплунами, которые выглядели и ароматили так восхитительно, что привлекательность капусты и свиного сала сильно приуменьшилась и они попали на концы столов почти нетронутыми.

Агнешка Кантнерувна обгладывала зубками бедрышко каплуна, стараясь уберечь от капающего жира модно разрезанный рукав платья. Мужчины болтали о том о сем. Очередь пришлась как раз на одного из духовных лиц, доминиканца Яна Неедлы из Высоке.

– Я, – ораторствовал он, – был приором у Святого Клементия в Старом Пражском Граде. Item [note 60](#) преподавателем в Карловом университете. Ныне, как видите, я – изгнанник, довольствующийся чужой милостью и чужим хлебом. Мой монастырь разрушили, а в академии, как легко можно догадаться, мне было не по пути с супостатами и паршивцами типа Яна Пшибрама, Кристиана из Прахатиц и Якуба из Стржибора, покарай их Господь...

– У нас здесь, – вставил Кантнер, ловя глазами Рейневана, – есть один студент из Праги. Scholurius academiae pragnesis, artium baccalaureus. [note 61](#)

– В таком случае, – глаза доминиканца сверкнули по-над ложкой, – я посоветовал бы внимательно следить за ним. Я далек от мысли кого-либо обвинять в ереси, но ересь – словно сажа, словно смола. Словно навоз, чтобы не сказать больше! Всякий, кто крутится поблизости, может испачкаться.

Рейневан быстро опустил голову, чувствуя, как у него опять горят уши и кровь приливает к щекам.

– Где там, – рассмеялся князь, – нашему схоляру до ереси. Он же из приличной семьи, на священника и медика в пражской учельне обучался. Я верно говорю, Рейнмар?

– С вашего позволения, – сглотнул Рейневан, – я в Праге уже не учусь. По совету брата я бросил Каролинум в девятнадцатом году, вскоре после святых Абдона и Сена... То есть тут же после дефене... Ну, знаете когда. Теперь думаю, может, в Краков подамся учиться... Или в Лейпциг, куда большинство пражских профессоров ушло... В Чехию не вернусь. Пока там не прекратятся волнения.

– Волнения! – Изо рта вспыхнувшего чеха вылетел и прилип к ладанке листок капусты. – Отличное словечко, ничего не скажешь! Вы здесь, в мирной стране, даже представить себе не можете, что выделявают в Чехии

еретики, ареной каких несчастий стала она. Подзуженная еретиками, виклифистами, вальденсами и прочими слугами сатаны толпа оборотила свою бездумную злобу против веры и церкви. В Чехии подрывают веру в Бога и жгут его святыни. Убивают слуг Божиих!

– Действительно, – подтвердил, облизывая пальцы, Мельхиор Бурфусс, викарий любушского епископа, – вести доходят страшные. Верить не хочется...

– А верить надо! – еще громче выкрикнул Ян Неедлы. – Ибо ни одна весть не преувеличена!

Из его кружки выплеснулось пиво. Агнешка Кантнерувна непроизвольно отпрянула, заслонилась бедрышком каплуна, как щитом.

– Хотите примеры? Извольте! Избиты монахи в Чешском Броде и Помук, убиты цистерцианцы в Збрацлаве, Велеграде и Мниховом Градище, умерщвлены доминиканцы в Писке, бенедиктинцы в Кладрубах и Постолоптрах, убиты невинные премонстратки в Хотишове, убиты священники в Чешском Броде и Яромере, ограблены и сожжены монастыри в Колине, Милевске и Златой Коруне, осквернены алтари и изображения святых в Бржевнове и Воднянах... А что вытворял Жижка, этот бешеный пес, этот антихрист и дьявольское отродье? Кровавая резня в Хомутове и Прахатицах, сорок священников живьем сожжены в Беруне, сожжены монастыри в Сазаве и Вилемове. Святотатства, коих не допустили бы и турки, жуткие преступления и жестокости, зверства, при виде которых вздрогнул бы сарацин! О, воистину, Боже, доколе ж ты не будешь судить и наказывать за кровь нашу? Тишину, в который был слышен только шорох молитвы олесьницкого капеллана, прервал глубокий звучный голос смуглолицего и широкоплечего рыцаря, гостя князя Конрада Кантнера.

– Этого могло бы не быть.

– То есть? – поднял голову доминиканец. – Что вы, господин, хотите этим сказать?

– Всего этого можно было легко избежать. Достаточно было не сжигать на костре Яна Гуса в Констанце.

– Вы, – прищурился чех, – уже там, уже тогда защищали еретика, кричали,

протестовали, петиции составляли, я-то знаю. А были и тогда не правы, и сейчас. Ересь распространяется, как плевелы, а Святое Писание велит сорняки выжигать огнем. Папские буллы наказывают...

– Оставьте буллы, – обрезал смуглолицый, – для соборных дискуссий, они смешно звучат, когда их приводят в корчме. А в Констанце я был прав, можете говорить что хотите. Люксембуржец королевским словом и охранной грамотой гарантировал Гусу безопасность. И слово, и клятву нарушил, тем самым запятнав честь монарха и рыцаря. Я не мог смотреть на это спокойно. Не мог. И не хотел.

– Рыцарская клятва, – заворчал Ян Неедлы, – должна даваться во имя служения Богу, безразлично, кто клянется, оруженосец или король. Вы называете божеской службой сдержат клятву и слово, данное еретику? Вы называете это честью? Я зову это грехом.

– Я если даю слово, то это слово, данное перед лицом Бога. Поэтому не нарушаю его, даже если оно туркам дано.

– Слово, данное туркам, нарушать нельзя. А еретикам – можно.

– Воистину, – очень серьезно сказал Мачей Карзбок, познанский официал. – Мавры и турки погрязли в безбожии из-за темноты и дикости. Их можно обратить. Отщепенец же и схизматик от веры и Церкви отворачивается, насмехается над ними и кощунствует. Потому-то он Богу во сто крат противнее. И любой способ борьбы с ересью хорош. Ведь никто, идя на волка либо на пса бешеного, не станет, будь он в здравом уме, распространяться о чести и рыцарском слове. Против еретика все годится.

– В Кракове, – гость Кантнера повернулся к нему, – каноник Ян Эльгот, когда надобно схватить еретика, ни во что не ставит тайну исповеди. Епископ Анджей Ласкар, которому вы служите, предписывает это священникам познанской епархии. Все годится. Воистину.

– Вы не скрываете, господин, своих симпатий, – кисло проговорил Ян Неедлы из Высоке. – Поэтому и я своих скрывать не стану. И повторю: Гус был еретиком и должен был пойти на костер. Король римский, венгерский и чешский правильно поступил, не сдержав слова, данного чешскому еретику.

– И за это, – парировал смуглолицый, – его чехи так теперь любят. Из-за этого он сбежал из-под Вышеграда с чешской короной под мышкой. И теперь царствует над чехами, да только сидя в Буде. Потому как на Градчаны его впустят не скоро.

– Позволяете себе насмеяться над королем Сигизмундом, – заметил Мельхиор Барфусс. – А ведь ему служите.

– Именно поэтому.

– А может, по какой другой причине? – ядовито спросил чех. – Ведь вы, рыцарь, под Танненбергом бились против госпитальеров на стороне поляков. На стороне Ягеллы. Короля-неофита, явного симпатика чешской ереси, охотно прислушивающегося к схизматикам и виклифистам. Племянник Ягеллы, вероотступник Кобытович, всю буйствует в Праге, польские рыцари в Чехии убивают католиков и грабят монастыри. И хоть Ягелло и делает вид, будто все это творится против его воли и согласия, однако что-то сам с войском супротив еретиков не идет! А если б пошел, если б с королем Сигизмундом в крестовом походе объединился, то в один миг с гуситами было бы покончено! Так почему ж Ягелло этого не делает?

– И верно, – опять усмехнулся смуглолицый, и усмешка его была очень многозначительной. – Почему? Интересно?

Конрад Кантнер громко кашлянул. Барфусс прикинулся, что его интересует исключительно капуста с горохом. Мачей Корзбок прикусил губу и грустно покачал головой.

– Что правда, то правда, – согласился он. – Римский кесарь не раз показал, что он не друг польской короне. Конечно, в защиту веры каждый великополюк, а за них я могу поручиться, охотно встанет. Но только в том случае, если Люксембуржец гарантирует, что когда мы двинемся на юг, то ни прусские крестоносцы, ни бранденбуржцы на нас не нападут. А как он даст такую гарантию, если он с ними задумал раздел Польши? Я не прав, князь Конрад?

– Да что тут рассуждать, – вполне неискренне улыбнулся Кантнер. – Что-то, сдается, мы уже явно сверх меры рассуждаем о политике. А политика плохо сочетается с едой. Которая, кстати сказать, стынет.

– Ничего подобного. Говорить об этом надо, – запротестовал Ян Неедлы к радости юных рыцарей, до которых уже добрались два горшка, почти совершенно нетронутых разговорившимися вельможами. Радость оказалась преждевременной, вельможи доказали, что вполне могут ораторствовать и есть одновременно.

– Потому что учтите, уважаемые, – продолжал, поглощая капусту, бывший приор монастыря Святого Кlementия, – не только чешское дело эта виклифовская зараза. Чехи, уж я-то их знаю, готовы и сюда прийти, как ходили в Моравию и на Ракусы. [note 62](#) Могут прийти и к вам, господа. Ко всем, что здесь сидят.

– Ну уж, – надул губы Кантнер, копаясь в тарелке в поисках шкварок. – В это я не поверю.

– Я тем более, – фыркнул пивной пеной Мачей Корзбок. – К нам в Познань им далековато будет.

– До Любуша и Фюрстенвальда, – проговорил с набитым ртом Мельхиор Барфусс, – тоже от Табора изрядный кус дороги. Не-е-е, я не боюсь.

– Тем более, – добавил с кривой ухмылкой князь, – что скорее сами чехи гостей дождутся, чем на кого-нибудь пойдут. Особливо сейчас, когда Жижки не стало. Я думаю, гости того и гляди нагрянут, так что чехам их со дня на день дожидаться следует.

– Крестовики? Может, вы чего-нито знаете, ваша милость?

– Никак нет, – ответил Кантнер, мина которого выражала совершенно обратное. – Просто так мне подумалось. Хозяин! Пива!

Рейневан незаметно выскользнул во двор, а со двора за хлев и в кусты за огород. Облегчившись как следует, вернулся. Но не в комнату, а вышел через ворота и долго глядел на скрывающийся в синей дымке тракт, на котором, к своему счастью, не заметил приближающихся галопом братьев Стерчей.

«Адель, – вдруг подумал он. – Адель вовсе не в безопасности у лиготских цистерцианок. Я должен... Да, должен, но боюсь. Того, что со мной могут сделать Стерчи. Того, о чем они так красочно рассказывают».

Он вернулся во двор. Удивился, увидев князя Кантнера и Хаугвица, бодро и легко выходящих из-за хлебов. «В принципе, – подумал он, – чему удивляться? В кусты за хлебами ходят даже князья и сенешали. К тому же пешком».

– Послушай, Беляу, – бесцеремонно сказал Кантнер, ополаскивая руки в чане, который ему спешно подставила дворовая девка, – что я скажу. Ты не поедешь со мной во Вроцлав.

– Ваша княжеская...

– Захлопни рот и не открывай, пока я не прикажу. Я делаю это ради твоего добра, молокосос. Потому что я больше чем уверен, что во Вроцлаве мой брат, епископ, посадит тебя в башню раньше, чем ты успеешь выговорить «*benedictum nomen Iesu*». [note 63](#) Епископ Конрад очень жесток к чужеложцам, вероятно, хе-хе, не терпит конкуренции, хе-хе-хе. Так что возьми того коня, который тебя укусил, и поедешь в Малую Олесьницу, в иоаннитскую командорию, скажешь командору Дитмару де Альзей, что, дескать, я прислал тебя на покаяние. Там посидишь тихо, пока я не вызову. Ясно? Должно быть ясно. А на дорогу тебе вот, возьми, кошель. Знаю, что невелик. Дал бы больше, да мой коморник [note 64](#) отсоветовал. Здешняя корчма и без того здорово поуменила мой фонд «на представительство».

– От всей души благодарю, – буркнул Рейневан, хотя вес кошель благодарности не заслуживал. – От всей души благодарю вашу милость. Только вот...

– Стерчей не бойся, – прервал князь. – В иоаннитском доме они тебя не найдут, а в пути ты будешь не один. Так уж получилось, что в том же направлении, то бишь к Мораве, движется мой гость. Вероятно, ты видел его за столом. Он согласился взять тебя с собой. Честно говоря, не сразу. Но я его уговорил. Хочешь знать как?

Рейневан кивнул, показав, что хочет.

– Я сказал ему, что твой отец погиб в отряде моего брата под Танненбергом. А он там тоже был. Только они говорят не «Танненберг», а «Грюнвальд». Он сражался на противной стороне. Ну, короче, будь здоров и – повеселее, парень, повеселее. Обижаться на мою благосклонность ты не можешь. Конь – есть. Гроши – есть. Да и безопасность в пути обеспечена.

– Как обеспечена? – отважился проговорить Рейневан. – Милостивый князь... Вольфгер Стерча ездит сам-шесть... А я... С одним рыцарем? Даже если он и с оруженосцем... Ваша милость... Это же всего только один рыцарь!

Рудигер Хаугвиц фыркнул. Конрад Кантнер покровительственно напыжился.

– Ох и глуп же ты, Беляу. Вроде б ученый бакалавр, а известного человека не распознал. Для этого рыцаря, недотепа, шестеро – раз плюнуть.

И видя, что Рейневан по-прежнему не понимает, пояснил:

– Это же Завиша Черный из Гарбова. [note 65](#)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Рейневан и Завиша Черный из Гарбова рассуждают на Бжегском тракте о том о сем.

Потом Рейневан лечит Завишу от скопившихся газов, а Завиша взамен обогащает его ценными сведениями из области новейшей истории

Придерживая коня, чтобы немного поотстать, рыцарь Завиша Черный из Гарбова приподнялся в седле и протяжно пустил ветры. Потом глубоко вздохнул, оперся руками о луку и пустил снова.

– Это все капуста, – деловито пояснил он, догоняя Рейневана. – В моем возрасте столько капусты есть нельзя. Клянусь останками святого Станислава, когда я был молодым, я мог съесть ого-го! Кофлик, то бишь больше чем полгарнца [note 66](#) капусты съедал в три приема. И ничего. Я мог есть капусту в любом виде, хоть дважды в день, лишь бы тмина в ней было поболее. А теперь, едва малость съем, так у меня аж кипит в животе, а газы, сам видишь, парень, чуть не разрывают. Старость, пся мать, не радость.

Его конь, могучий вороной жеребец, тяжело взбрыкнул, будто рвался в атаку. Весь он до самой морды был покрыт черной попоной, украшенной на крупе «сулимой», гербом рыцаря. Рейневан удивлялся, что сразу не обратил внимания на известный знак, не очень типичный в польской геральдике и по почетному изображению, и по мобилиям. [note 67](#)

– Ты что такой молчаливый? – неожиданно спросил Завиша. – Мы столько уже едем, а ты за все это время какой-то десяток слов обронил, не больше. И то когда за язык потянули. Дуешься на меня? Из-за Грюнвальда, что ли? Знаешь, парень, не могу тебя уверить, что я никак не мог бы убить твоего отца. Я, конечно, мог сказать, что мы с ним не могли встретиться в бою, так как краковская хоругвь располагалась в центре линии польско-литовских

войск, а хоругвь Конрада Белого – на левом крыле крестоносцев, аж за Стемборком. Но не скажу, потому что это была бы ложь Тогда, в день Призвания Апостолов, я прикончил множество народу. В общей суматохе и дьявольской круговерти, в которой мало что было видно, ибо это была битва. Вот и все.

– Отец, – откашлялся Рейневан, – носил на щите...

– Я не помню гербов, – резко и грубо прервал сулимец. – В общей схватке они для меня ничего не значат. Важно, в которую сторону обращена морда коня. Если в противоположную морде моего, то я рублю, пусть там хоть сама Богородица у него на гербе. Впрочем, когда кровь налипает на пыль, а пыль – на кровь, то все равно на щитах ни хрена не видно. Повторяю, Грюнвальд был сражением. А в сражении – как в сражении. И на этом покончим. И не дуйся на меня.

– Да я и не дуюсь.

Завиша снова немного придержал коня, приподнялся в седле и громко выпустил скопившиеся газы. С придорожных верб сорвались перепуганные галки. Едущая позади свита рыцаря из Грабова, состоящая из седовласого оруженосца и четырех вооруженных слуг, предусмотрительно держалась на расстоянии. И оруженосец, и слуги ехали на прекрасных лошадях. Одеты все были богато и чисто. Как и полагается слугам человека, который был крушвицким и списским старостой и взимал, если верить молве, аренду круглым счетом с тридцати сел. Однако ни оруженосец, ни слуги не напоминали гладеньких господских пажей. Совсем наоборот, они смотрелись крутыми забияками, а оружие, которым были обвешаны, никак нельзя было считать украшением.

– Итак, – начал Завиша, – ты не дуешься. Тогда почему ж ты такой молчаливый?

– Потому что, сдается мне, – осмелился сказать Рейневан, – больше вы дуетесь на меня. И знаю почему.

Завиша Черный повернулся в седле и долго смотрел на него.

– Вот, – проговорил он наконец, – жалобно заныла обиженная невинность. Так знай, сынок, последнее дело трахать чужих жен. И если хочешь знать

мое мнение, это подлый поступок. И заслуживает наказания. Честно говоря, ты в моих глазах ничуть не лучше мошенника, который в толпе срезает кошельки или по ночам очищает курятники. Думается, и тот, и другой – мелкие паршивцы и мерзавцы, воспользовавшиеся представившейся оказией.

Рейневан не прокомментировал.

– Был в Польше некогда обычай, – продолжал Завиша Черный, – когда пойманного любителя до чужих жен отводили на помост и к этому помосту железным гвоздем прибивали его мошонку с яйцами. А рядом с прелюбодеем клали нож. Дескать, если хочешь на свободу – отрезай.

Рейневан смолчал и на этот раз.

– Теперь уж не прибивают, – заключил рыцарь. – А жаль. Мою супругу Барбару легкомысленной никак не назовешь, но когда подумаю, что ее минутную слабость, может, там, в Кракове, использует какой-нибудь модник, какой-нибудь, парень, подобный тебе красавчик... А, да что говорить...

Тишину, опустившуюся на несколько минут, снова прервала поглощенная рыцарем капуста.

– Тааак, – облегченно охнул Завиша и глянул на небо. – Впрочем, знай, парень, я тебя не осуждаю, ибо бросать камни может только тот, кто сам безгрешен. И подытожив таким образом, не будем больше к этому возвращаться.

– Любовь – великое дело, и много у нее имен, – проговорил Рейневан слегка недовольным голосом. – Слушающий песни и романсы не осуждает ни Тристана и Изольду, ни Ланселота и Гвиневеру, ни трубадура де Кабестена и мадам Маргариту из Руссельона. А нас с Аделью связывает не меньшая горячая и искренняя любовь. И пожалуйста, все прямо-таки взъелись...

– Если ваша любовь столь велика, – Завиша как бы удивился, – то почему ты не рядом со своей любимой? Почему удрал, будто застигнутый на месте преступления вор? Тристан, чтобы быть рядом с Изольдой, нашел способ, переоделся, если мне память не изменяет, в лохмотья запаршивевшего

нищего. Ланселот, чтобы спасти Гвиневеру, в одиночку пошел войной на всех рыцарей Круглого Стола.

– Не так все просто. – Рейневан зарделся не хуже алой розы. – Ей крепко достанется, если меня схватят и убьют. Я уж не говорю о себе самом. Но я найду способ, не бойтесь. Хотя бы переодевшись, как Тристан. Любовь всегда побеждает. *Amor vincit omnia*.

Завиша приподнялся в седле и грохотнул. Трудно было понять, что это – комментарий или всего лишь капуста.

– Единственная от нашего диспута польза, – сказал он, – что мы поболтали, потому как скучно было ехать молчком, опустив нос. Продолжим же, юный силезец. На другую тему.

– А почему, – после недолгого молчания проговорил Рейневан, – едете этой дорогой? Не ближе ли из Кракова на Мораву через Рацибуж? И Опавско?

– Может, и ближе, – согласился Завиша. – Но я, видишь ли, рацибужцев терпеть не могу. Недавно преставившийся князь Ян, светлая ему память, тот еще был сукин сын. Натравил убийц на Пшемыка, сына чешского князя Ношака, а я и Ношака знал, и Пшемык был мне другом. Потому-то я не пользовался рацибужским гостеприимством раньше, да и теперь не стану. Тем более что Янов сынуля Миколаек доблестно, говорят, следует по стопам родителя. Кроме того, я сделал солидный крюк, потому что надо было кое-что обговорить с Кантнером в Олесьнице, ознакомить с тем, что сказал по его адресу Ягелло. К тому же дорога через Нижнюю Силезию обычно гораздо разнообразнее. Хоть и вижу теперь, что таковое мнение сильно преувеличено.

– Ага, – быстро догадался Рейневан, – так вот почему вы в полном вооружении едете! На боевом коне! Драку высматриваете? Я угадал?

– Угадал, – спокойно согласился Завиша Черный. – Говорили, у вас тут кишмя кишат раубриттеры. [note 68](#)

– Не здесь. Здесь безопасно. Потому таклюдно. Действительно, на недостаток общества обижаться было нельзя. Правда, сами они не обгоняли никого и никто их не опережал, зато в противоположном направлении, из Бжега к Олесьнице, движение было оживленное. Их уже

миновали несколько купцов на продавливающих глубокие колеи тяжело нагруженных телегах в сопровождении нескольких вооруженных людей с исключительно бандитскими физиономиями. Миновала пешая колонна навьюченных баклагами дегтярей, опережаемых резким запахом дегтя. Проследовала группка конных крестоносцев, прошагал странствующий с оруженосцем молодой иоаннит с личиком херувима, проплелись перегоняющие волов погонщики и пятерка подозрительного вида пилигримов, которые, хоть они вполне вежливо поинтересовались дорогой на Ченстохову, в глазах Рейневана подозрительными быть не перестали. Проехали на брошенной телеге голиарды, веселыми и не вполне трезвыми голосами распеваящие «In cratere tea» [note 69](#), песню, сложенную на слова Гуго Орлеанского. Только что проехал рыцарь с женщиной и небольшой свитой. Рыцарь был в роскошных баварских латах, а вздыбившийся двухвостый лев на его щите указывал на принадлежность к обширному роду Унругов. Рыцарь, это было видно, моментально распознал герб Завиши, поклонился, но так гордо, чтобы было ясно, что Унруги ничуть не хуже сулимцев. Одета в светло-фиолетовое платье спутница рыцаря сидела по-дамски на прекрасной караковой лошади, и ее голова – о диво! – ничем не была покрыта. Ветер свободно играл золотыми волосами. Проезжая мимо, женщина подняла голову, слегка улыбнулась и окинула уставившегося на нее Рейневана таким зеленым и многоговорящим взглядом, что юноша даже вздрогнул.

– Эге! – сказал, выдержав долгую паузу, Завиша. – Своей смертью ты, парень, не умрешь.

И пустил ветры. С силой бомбарды среднего размера.

– Чтобы доказать, – сказал Рейневан, – что я на все ваши насмешки и уколы вовсе не обижаюсь, я вылечу вас от постоянных подскоков и газов.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)